

Сентября 27 (10 октября)

Священномученик
Петр (Полянский),
Митрополит Крутицкий

Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Крутицкий Петр (в миру Петр Федорович Полянский) родился 28 июня 1862 года в селе Сторожевом Коротоякского уезда Воронежской губернии в семье священника. У о. Федора было три сына: Александр, Василий и Петр. Александр уехал в Петербург и служил государственным чиновником. Василий готовился к принятию сана священника. Младший, Петр, учился в Московской Духовной академии, которую окончил в 1892 году и был оставлен при ней помощником инспектора. За диссертацию на тему «О Пастырских посланиях» ему была присуждена степень магистра богословия. В 1896 году Петр Федорович был назначен смотрителем духовного училища в Жировицах. С 1906 года он вошел в Учебный комитет при Святейшем Синоде и исполнял обязанности ревизора духовных учебных заведений. Переехав в Петербург, Петр Федорович близко познакомился со многими выдающимися церковными деятелями, которые стали часто бывать у него на квартире. Среди других и архиепископ Литовский Тихон (Белавин). Петр Федорович был живым и жизнерадостным человеком, всех поражала его природная безунывность. Не было, казалось, таких обстоятельств, которые могли заставить его безутешно скорбеть и унывать. Господь изобильно одарил его нравственным и физическим здоровьем и огромным душевным тактом, так что, узнав его, невозможно было не полюбить.

В 1918 году большевики закрыли все духовные учебные заведения, был упразднен и Учебный комитет; Петр Федорович переехал в Москву и здесь принял участие в Поместном Соборе 1917/18 годов.

В 1920 году Патриарх Тихон предложил ему принять монашество, священство, епископство и стать его помощником по управлению Православной Церковью. Предложение Патриарха было сделано тогда, когда уже широко разливалось гонение на Православную Церковь. Некоторые епископы были убиты – имена мучеников входили в самую летопись Поместного Собора. Убивали и тех, кого Собор посылал для выяснения обстоятельств убийств архиереев. Были зверски убиты митрополит Киевский Владимир, архиепископ Пермский Андроник, епископ Тобольский Гермоген, архиепископ Черниговский Василий и с ними многие священнослужители и миряне. Не почет и комфорт сулило в то время архиерейство, а многие страдания, а часто и мученическую кончину.

Петр Федорович принял предложение Патриарха как волю Божию, как прозвучавший через Патриарха Божий призыв – послужить Богу и Церкви.

Ему было уже пятьдесят восемь лет. Оставаясь человеком светским, не связанным ни монашескими обетами, ни священным саном, имел он еще возможность умереть своей смертью, но если принимал предложение Патриарха, то такой возможности почти наверняка лишался.

Петр Федорович жил в то время в Армянском переулке в Москве, в доме своего брата, священника Василия, служившего в храме Николы-на-Столпах.

Придя домой, Петр Федорович рассказал родственникам о предложении Патриарха и прибавил:

– Я не могу отказаться. Если я откажусь, то я буду предателем Церкви, но когда соглашусь – я знаю, я подпишу тем себе смертный приговор.

Слова эти сбылись в точности. После рукоположения во епископа Подольского, викария Московской епархии, он был арестован и сослан. Ссылку владыка Петр отбывал в Великом Устюге; сначала жил у знакомого священника, а потом в сторожке при соборе. Власти в ссылке не стесняли его, и он часто служил вместе с великоустюжским духовенством. Вернувшись из ссылки в 1923 году, он был возведен Патриархом Тихоном в сан архиепископа, а через год – митрополита и назначен митрополитом Крутицким.

На Благовещение 1925 года скончался Патриарх Тихон. Российская Православная Церковь лишилась первоиерарха мудрого и обладавшего в глазах большинства церковных людей беспорнейшим авторитетом. Незадолго до своей кончины, 7 января 1925 года. Патриарх составил завещание: «В случае нашей кончины, наши Патриаршие права и обязанности, до законного выбора нового Патриарха, представляем временно Высокопреосвященнейшему Митрополиту Кириллу¹. В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам вступить в отправление означенных прав и обязанностей, таковые переходят к Высокопреосвященнейшему Митрополиту Агафангелу². Если же и сему Митрополиту не представится возможности осуществить это, то наши Патриаршие права и обязанности переходят к Высокопреосвященнейшему Петру, Митрополиту Крутицкому». В день похорон Патриарха Тихона, 12 апреля 1925, года собрался архиерейский собор из сорока пяти архиереев Российской Православной Церкви, которые, ознакомившись с завещанием почившего Патриарха, сделали следующее заявление: «Убедившись в подлинности документа и учитывая 1) – то обстоятельство, что почивший ПАТРИАРХ при данных условиях не имел иного пути для сохранения в Российской Церкви преемства власти и 2) – что ни Митрополит Кирилл, ни Митрополит Агафангел, не находящиеся теперь в Москве, не могут принять на себя возлагаемых на них... обязанностей, мы, Архипастыри, признаем, что Высокопреосвященнейший Митрополит Петр не может уклониться от данного ему послушания и во исполнение воли почившего ПАТРИАРХА должен вступить в обязанности Патриаршего Местоблюстителя».

Восприяв пост Местоблюстителя, митрополит Петр принял на себя и все проблемы, стоявшие тогда перед Русской Православной Церковью.

Став Патриаршим Местоблюстителем, он оказался перед необходимостью выбора церковной позиции. Следуя примеру своих предшественников на этом посту, святых митрополитов Петра, Алексия, Филиппа и Гермогена, он решил быть возглавителем и вождем прежде всего – большинства верующего народа. Митрополит Петр не был политиком, не был и дипломатом, единственная ясная цель виделась им – это быть со Христом и народом Божиим. И потому он уже тогда решил твердо – не обращаться ни по каким вопросам к представителям ГПУ, ни о чем их не просить и в переговоры с ними не вступать.

Наиболее последовательными защитниками православия стали в те годы монахи Данилова монастыря во главе с настоятелем, архиепископом Феодором (Поздеевским). Во время бушевания обновленчества Данилов монастырь стал несокрушимым оплотом православия. После ареста Патриарха Тихона многие епархиальные архиереи под давлением обновленцев начинали уступать их

требованиям и, не имея с кем посоветоваться, обращались в Данилов монастырь и здесь получали неизменную поддержку и твердые советы. Настоятеля монастыря, архиепископа Феодора, называли столпом православия. Патриарх Тихон относился к владыке Феодору с большим уважением и неизменно интересовался его мнением, хотя и поступал зачастую по-своему. Митрополит Петр стал поступать согласно с мнением архиепископа Феодора и близких тому архиереев, и, в первую очередь, потому, что в его глазах они были наиболее авторитетными и верными выразителями церковных суждений всего верующего народа, были хранителями и блюстителями чистоты православия. Монахи оценили твердость и верность православию Местоблюстителя и стали часто приглашать его служить в монастырь.

30 августа (12 сентября) 1925 года на престольный праздник митрополит Петр служил в монастыре. Троицкая церковь, где стояли мощи преподобного Даниила, и весь монастырь были заполнены народом. Путь к раке преподобного устилал ковер из живых цветов, и вся рака была искусно украшена ими.

Митрополит Петр, войдя в храм, прошел к мощам преподобного и с благоговением приложился к ним. Некоторые монахи видели, что, когда Местоблюститель затем пошел к солее, то над мощами образовалось как бы облако, в котором возник образ преподобного великого князя Даниила. И во все время, пока митрополит Петр шел к алтарю, преподобный сопровождал его.

Архиепископ Феодор был к тому времени арестован, и братию возглавлял архиепископ Парфений (Брянских). Ему после службы митрополит Петр передал деньги для раздачи находящимся в ссылке священнослужителям. Митрополит Петр помогал многим заключенным. Он сам отправлял деньги митрополиту Кириллу (Смирнову), архиепископу Никандру (Феноменову), секретарю Патриарха Тихона Петру Гурьеву и другим. Иногда владыка, получив после службы деньги, сразу же отдавал их на помощь томящимся в тюрьмах и ссылках. По предложению благочинных московских церквей он благословил причты храмов жертвовать в пользу заключенных.

Одной из проблем, стоявших тогда перед Русской Православной Церковью, было разрушительное обновленчество. Обновленцы готовились к своему второму собору, усиленно предлагая православным помириться и принять в нем участие. Некоторым предложение показалось приемлемым, и они начали с обновленцами переговоры о примирении. Пришло время определять свою позицию относительно обновленчества – твердо и однозначно. Местоблюститель написал послание к православной пастве. Для совета передал текст известному церковному деятелю тех лет Александру Дмитриевичу Самарину. 28 июля 1925 года Местоблюститель обратился с посланием к архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Российской Церкви³, укрепляя всех колеблющихся и малодушных и нанося сокрушительный удар разорителям Церкви.

Обновленцы писали о нем: «...воззвание митрополита Петра определило всю линию поведения староцерковников... Тон, данный «Крутицами», уже заранее определил позицию староцерковников по всему фронту, и в дальнейшем возможны были только варианты одной и той же политики. При этом по местам легко было уже просто сослаться на центр, что мы и видим на самом деле...» Так, например, в Ленинградской епархии «среди духовенства появилась «левая группа» тихоновцев, которая склонна была идти навстречу примирительной политике Св. Синода (обновленческого. – И.Д.). До появления воззвания Петра Крутицкого эта группа подавала надежды, что она окажет свое давление на

епископов и постарается сдвинуть их с непримиримой позиции. Но как только появилось воззвание Петра... они заговорили другим языком и опустили свой флаг... то же самое произошло и с тихоновскими мирянами». «...До распространения воззвания Петра Крутицкого большинство духовенства и церковно-приходских советов Тамбовской епархии готовы были принять участие в благочиннических собраниях и епархиальном съезде... на миролюбивое настроение «низов» сильно повлияло воззвание Петра Крутицкого. На благочиннические съезды, собранные после появления этого воззвания, тихоновцы уже почти не явились...» «В целом ряде епархий, как иллюстрируют приведенные данные, идущая из Крутиц непримиримая линия тихоновцев выразилась в полном отказе даже от разговоров о церковном примирении. Тихоновские архиереи этого типа или отмалчивались, или сразу резко выражали свое отрицательное и враждебное отношение и вообще боялись даже вступать в какие-либо сношения с синодальными представителями: очевидно, они буквально исполняли директивы своего начальства, но были и такие архиереи, где, что называется, удавалось «завязать разговор» с тихоновскими главарями, однако кончались эти разговоры обычно той же непримиримостью».

После послания Местоблюстителя советские газеты начали печатать статьи, обвиняющие его в контрреволюционной деятельности⁴. На обновленческом соборе священник Александр Введенский прочел фальшивый документ, в котором Местоблюститель обвинялся в связях с границей.

Уже спустя месяц после смерти Патриарха Тихона ГПУ начало создавать новый раскол в Церкви. Представитель ГПУ Полянский встретился с Московским викарным епископом Борисом (Рукиным) и предложил ему создать инициативную группу «Защита православия»⁵ и подать от ее имени соответствующее ходатайство во ВЦИК. Представитель ГПУ уверял, что Православная Церковь после этого будет немедленно легализована, причем Церковь решительно отмежуеться от всех новшеств, включая обновленчество. Епископ Борис согласился, но заявил, что один он ничего сделать не может, и отправил представителя ГПУ к Местоблюстителю, рекомендуя тому принять предложение ГПУ. Местоблюститель решительно отверг эту сделку. По Москве пошли слухи, что епископ Борис стал красным большевистским архиереем и замышляет новый раскол. Отношения между епископом Борисом и Местоблюстителем окончательно испортились. Епископ Борис, однако, не оставил своих попыток изменить порядок церковного управления и вновь вступил в переговоры с представителем ГПУ. Договорившись об условиях легализации, он потребовал от Местоблюстителя созыва архиерейского собора, предполагая сместить на нем митрополита Петра с поста. Будучи противником патриаршего управления, епископ Борис добивался отмены патриаршества и возвращения Русской Православной Церкви к синодальной форме правления – коллегией епископов. Местоблюститель решительно отверг все его предложения как провокационные. «Власти несомненно не допустят никакого свободного собрания православных архиереев, не говоря уже о Поместном соборе», – сказал он.

Условия легализации, предложенные Местоблюстителю представителями ГПУ, были: 1) издание декларации, призывающей верующих к лояльности относительно советской власти; 2) устранение неугодных власти архиереев; 3) осуждение заграничных епископов и 4) контакт в деятельности с правительством в лице представителя ГПУ.

Осенью 1925 года Местоблюститель все же решил составить и подать декларацию советскому правительству, показать, какими он видит отношения между Русской Православной Церковью и советским государством. Митрополит Петр набросал черновой вариант и отдельные пункты проекта декларации и передал его епископу Иоасафу (Удалову), прося написать текст. Владыка Иоасаф составил черновой текст, прочел его некоторым архиереям, жившим тогда в Даниловом монастыре, – епископам Пахомию (Кедрову), Парфению (Брянских) и Амвросию (Полянскому) – и после их замечаний внес в текст поправки и передал Местоблюстителю.

Декларация так и не приняла окончательный вид. Местоблюститель не хотел ее передавать советским властям через представителей ГПУ и добивался личной встречи с главой правительства Рыковым. Но советское правительство не желало встречаться с главой Русской Православной Церкви, и проект декларации был изъят при аресте митрополита Петра ГПУ⁶.

В конце ноября 1925 года были арестованы почти все сколько-нибудь выдающиеся архиереи, жившие в то время в Москве. Местоблюститель видел, что неминуем и близок арест. И надо было позаботиться о церковной власти, о судьбе церковного управления. 6 декабря 1925 года он составил следующее распоряжение: «В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам отправлять мне обязанности Патриаршего Местоблюстителя временно поручаю исполнение таковых обязанностей Высокопреосвященнейшему Сергию⁷, Митрополиту Нижегородскому. Если же сему Митрополиту не представится возможности осуществлять это, то во временное исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя вступит Высокопреосвященнейший Михаил⁸, Экзарх Украины, или Высокопреосвященнейший Иосиф⁹, Архиепископ Ростовский, если Митрополит Михаил будет лишен возможности выполнить мое распоряжение.

Возношение за богослужением моего имени, как Патриаршего Местоблюстителя, остается обязательным».

Шаг этот был продиктован благочестивой ревностью о судьбе управления Церковью, желанием оградить Российскую Православную Церковь от анархии и расколов в убеждении того, что два других кандидата в местоблюстители, назначенные Патриархом Тихоном, митрополит Казанский Кирилл и митрополит Ярославский Агафангел, как находящиеся в ссылке, не имеют возможности принять церковное управление. Кроме того, после подтверждения избрания Местоблюстителем митрополита Петра собором архиереев права двух названных кандидатов на местоблюстительство переставали быть безусловными и не могли рассматриваться механически в силу лишь завещания Патриарха Тихона, но только при востребовании прав самими кандидатами и при одобрении архиерейским собором. Патриарший Местоблюститель знал, что полезной будет только законная передача церковной власти при благословении первоиерарха, что безвластие поведет Церковь к анархии и захвату церковного управления группами, имеющими корыстные цели, что поведет, в свою очередь, к разрыву с канонами и традициями Православной Церкви.

9 декабря 1925 года состоялось заседание комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК ВКП(б)¹⁰. Прослушали информацию ОГПУ о внутрицерковных группах: как расколоть Церковь, кому помогать, кого уничтожать. Личность митрополита Петра, его благородство, глубокая образованность, ум, выдержка и неизменная доброжелательность к

представителям ОГПУ, но без всякой угодливости перед ними, вызывали у них, и, в частности, у Тучкова¹¹, раздражение и неприязнь. Представители ОГПУ сообщили, что митрополит, вероятно, откажется от сотрудничества с ОГПУ, направленного в конечном счете на разрушение Церкви. А посему постановили: «Ввиду проводимой им (Местоблюстителем. – И. Д.) явно враждебной Соввласти церковной политики и имеющихся о нем конкретных обвинительных материалов, признать намеченную ОГПУ линию по вопросу о внутрицерковных группировках правильной». (То есть митрополита Петра – арестовать, архиепископа Григория – поддержать.) В тот же день Местоблюститель был арестован.

В начале декабря, незадолго перед арестом, уже ясно предчувствуя его, Местоблюститель решил изложить свою позицию первоиерарха – какие задачи он ставит в своем церковном управлении и как смотрит на него и на свой долг перед паствой. Он писал: «Меня ожидают труды, суд людской, скорый, но не всегда милостивый. Не боюсь труда – его я любил и люблю, не страшусь и суда человеческого – неблагосклонность его испытали не в пример лучшие и достойнейшие меня личности. Опасаюсь одного: ошибок, опущений и невольных несправедливостей, – вот что пугает меня. Ответственность своего долга глубоко сознаю. Это потребно в каждом деле, но в нашем – пастырском – особенно. Не будет ни энергии, ни евангельской любви, ни терпения в служении, если у пастырей не будет сознания долга. А при нем приставникам винограда Господня можно только утешаться, радоваться. Если отличительным признаком учеников Христовых, по слову Евангелия, является любовь, то ею должна проникать и вся деятельность служителя алтаря Господня, служителя Бога мира и любви. И да поможет мне в этом Господь! Вас же прошу исполнять с любовью, как послушных детей, все правила, постановления и распоряжения Церкви. В них уставы и правила ее многие считают произвольными, лишними, обременительными и даже отжившими. Но мудрецы века при всей своей самоуверенности не изобрели средств укрепить нашу волю в добре, дать человеку почувствовать сладость духовной свободы от страстей, мира совести и торжества победы в борьбе со злом, как это делают труды и подвиги, предписываемые уставами Церкви. К каким несчастным последствиям может привести уклонение от церковных постановлений, показывает горький опыт братии наших по духу и плоти, отколовшихся от единения со святой Церковью, блуждающих во мраке предрассудков, и тем самопроизвольно отчуждающим себя от упования вечной жизни. Буду молиться, недостойный Пастырь, чтобы мир Божий обитал в сердцах наших во все время жизни нашей. Для всякого православного человека, переживающего наши события, они не могут не внушать опасений за судьбу Православной Церкви, пагубный раскол, возглавляемый епископами и пресвитерами, которые забыли Бога и предают своих собратий и благочестивых мирян, — это все, может быть, не так еще опасно для Церкви Божией, которая всегда крепла, обновлялась страданиями. Но грозен, опасен дух лести, ведущий борьбу с Церковью и работающий над ее разрушением под видом заботы...»

Допросы начались почти сразу. 12 декабря был первый допрос. Основное обвинение было: поскольку митрополит Петр не сместил с поста Киевского митрополита Антония (Храповицкого) и не лишил его звания Киевского митрополита, а митрополит Антоний – контрреволюционер, то значит, контрреволюционер и митрополит Петр. Владыка держался с завидным мужеством, но все равно своими ответами на первом допросе был недоволен¹².

14 декабря 1925 года митрополит Сергей (Страгородский) послал на имя епископа, управляющего Московской епархией, уведомление о том, что в соответствии с распоряжением Патриаршего Местоблюстителя он приступает к исполнению обязанностей Местоблюстителя¹³.

22 декабря группа из девяти епископов во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским) собралась в Москве. Они заявили, что поскольку деятельность Местоблюстителя Петра контрреволюционна и с арестом его Церковь лишилась управления, то они организовали Высший Временный Церковный Совет.

7 января 1926 года в газете «Известия» было опубликовано сообщение об организации ВВЦС. 14 января митрополит Сергей послал архиепископу Григорию письмо, потребовав ответа о произведенном самочинии. Ответ архиепископа Григория о канонических основаниях ВВЦС был неудовлетворителен, и митрополит Сергей 29 января уведомил его, что он запрещает его и единомышленных с ним архиереев в священнослужении, так что все служебные действия вышеназванных архиереев (рукоположения, назначения, награды и всякие по службе распоряжения), начиная с 22 декабря 1925 года и далее, считать недействительными. С заявлением митрополита Сергея, как заместителя Местоблюстителя, действия по организации Высшего Временного Церковного Совета лишались канонической основы. Но Тучков очень надеялся на свое соглашение с владыкой Григорием, тем более, что на этот раз ему удалось договориться с православным архиереем, имевшим авторитет. Он предложил архиепископу устроить свидание с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром и от него добиться согласия на учреждение ВВЦС. Архиепископ Григорий составил доклад на имя Местоблюстителя Петра, в котором писал, что после ареста последнего в Русской Православной Церкви начались такие разделения, которые могут вызвать раскол, что митрополит Сергей проживает не в Москве, а в Нижнем Новгороде, и выехать для управления церковными делами не может, что митрополит Михаил отклонил от себя поручение по исполнению обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, а архиепископ Иосиф не может принять его, так как он совершенно не известен. Архиепископ Григорий предложил своих кандидатов на исполнение обязанностей высшей церковной власти – себя и трех единомышленных с ним архиереев.

Боясь за судьбу церковного управления, опасаясь анархии и раскола, Местоблюститель резолюцией на докладе архиепископа Григория поручил исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя коллегии из трех архипастырей, из которых он исключил кандидатов, предлагавшихся архиепископом Григорием, повелев им отправляться в свои епархии, и включил в коллегию архиепископа Владимирского Николая (Добронравова) и архиепископа Томского Дмитрия (Беликова), известных ему своей твердостью и преданностью Церкви.

Участовавшие в переговорах уполномоченные ОГПУ Тучков и Казанский ни слова не сказали о том, что архиепископ Николай сидит в тюрьме. Зато архиепископ Дмитрий, убеждал Казанский, обязательно прибудет из Томска. И Тучков показал митрополиту Петру фальшивую телеграмму, в которой значилось, что архиепископ Дмитрий дня через три-четыре будет в Москве, между тем как последний даже не слышал о переговорах. Чувство подсказывало Местоблюстителю, что не так обстоит дело, как следователи рисуют ему при

молчаливом согласии владыки Григория, но как узнать, находясь в полной изоляции, каково истинное положение Русской Православной Церкви? После долгих раздумий митрополит попросил включить для участия в занятиях новосоздаваемой коллегии митрополита Арсения (Стадницкого). Тучков с готовностью согласился:

– Пожалуйста, напишите телеграмму о вызове, а мы пошлем.

Местоблюститель написал текст телеграммы, подписал, подал Тучкову, тот никуда ее не послал.

Находясь в одиночном заключении, митрополит весьма скорбел – не приведут ли его действия к худшему. Беспокойство в правильности принятого решения о создании коллегии, общая неопределенность и, главное, отсутствие сведений о подлинном положении церковного управления и невозможность их добыть в условиях одиночного заключения – все это сказалось на его здоровье. После посещения архиепископа Григория и Тучкова он заболел тяжелым нервным расстройством и 4 февраля был помещен в тюремную больницу.

Тем временем митрополиту Агафангелу, кандидату на пост Патриаршего Местоблюстителя, власти разрешили выехать из ссылки и вернуться в Ярославль. Но в Пермской тюрьме он был задержан для встречи с Тучковым. Тучков обрисовал ему тяжелое положение Православной Церкви, которое все более ухудшается борьбой за власть между архиепископом Григорием, возглавляющим ВВЦС, и митрополитом Сергием Нижегородским, претендующим на главенство. Тучков предложил митрополиту Агафангелу как бы ради установления церковного мира, ради церковного благополучия, как второму кандидату на пост Патриаршего Местоблюстителя, как заместителю Патриарха, назначаемого последним на эту должность еще в 1922 году, и старейшему, авторитетнейшему архиерею Русской Православной Церкви, вступить в управление Церковью в качестве Патриаршего Местоблюстителя и начать переговоры с правительством о регистрации церковного управления, в чем Тучков обещал оказать митрополиту всяческую поддержку.

Митрополит Агафангел поверил и, не выясняя дальнейшего, не войдя в переговоры по столь важному вопросу с митрополитом Петром, 18 апреля 1926 года составил в Перми послание о своем вступлении в права Патриаршего Местоблюстителя, которое 26 апреля вместе с сопроводительным письмом послал митрополиту Сергию, и не только ему, но и многим епархиальным архиереям, как архиерей уже восприявший пост Местоблюстителя. Еще владыка Агафангел был в Перми, а его воззвание потекло по России, раскалывая Церковь.

Через шесть дней после подписания митрополитом Агафангелом послания и рассылки его по России состоялось заседание комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства¹⁴. Представитель ОГПУ доложил об успехах на поприще церковных расколов. Постановили: «Проводимую ОГПУ линию по разложению тихоновской части церковников признать правильной и целесообразной. Вести линию на раскол между митрополитом Сергием (назначенным Петром временным Местоблюстителем) и митрополитом Агафангелом, претендующим на Патриаршее Местоблюстительство, укрепляя одновременно третью тихоновскую иерархию – Временный Высший Церковный Совет во главе с архиепископом Григорием как самостоятельную единицу. Выступление Агафангела с возванием к верующим о принятии на себя обязанностей Местоблюстителя признать своевременным и целесообразным». Дело о митрополите Петре «выделить и продолжать дальнейшее следствие в

течение 1-2-х месяцев. Поручить ОГПУ этим временем окончательно выяснить положение о взаимоотношении местоблюстителей Сергия и Агафангела, после чего и решить вопрос о дальнейшем содержании Петра»¹⁵.

22 мая митрополит Сергей испросил у Тучкова разрешения обменяться письмами с митрополитом Петром и сообщил Местоблюстителю, что митрополит Агафангел получил свободу, претендует на пост Патриаршего Местоблюстителя, и предупредил владыку, чтобы тот был осторожен и воздержался от передачи местоблюстительства.

Тучков, хорошо понимая, какую распря можно разжечь из борьбы за местоблюстительство, с удовольствием передал письмо митрополиту Петру, предложив ему отказаться от местоблюстительства, причем обещал, что в этом случае легализует церковное управление под возглавием митрополита Агафангела и освободит из заключения самого митрополита Петра, после чего тот сможет беспрепятственно проследовать на Кавказ или в Крым для лечения в соответствии со своим желанием.

Митрополит Петр, несмотря на предостережение митрополита Сергия, в письме от 22 мая приветствовал решимость митрополита Агафангела принять на себя обязанности Патриаршего Местоблюстителя, предполагая вопрос об окончательной передаче обязанностей выяснить по возвращении из ссылки митрополита Кирилла. Но митрополит Кирилл не возвратился, и тогда в письме от 9 июня на имя митрополита Агафангела владыка Петр подтвердил передачу местоблюстительских прав. Владыка не держался за местоблюстительство, которое по своему положению и смыслу, как патриаршество Святейшего Тихона, было ежедневным и ежечасным страданием. Все болезни и муки Поместной Церкви, все стрелы лукавого, которыми тщились ее уязвить враги, прежде кого бы то ни было достигали Патриарха, а теперь – Местоблюстителя. Без колебаний написал митрополит Петр документ о передаче местоблюстительства. Однако по мудрой осторожности и опасению быть обманутым и на этот раз, он добавил: «В случае отказа митрополита Агафангела от восприятия власти или невозможности ее осуществления – права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя возвращаются снова ко Мне, а заместительство – митрополиту Сергию».

Это не понравилось Тучкову, но он промолчал, хотя уже знал, что днем раньше митрополит Агафангел решительно отказался от местоблюстительства.

Через несколько дней, 12 июня, митрополит Агафангел в письме на имя митрополита Петра отказался от поста Патриаршего Местоблюстителя. После этого митрополит Петр был переведен в Суздальский политизолятор, где содержался в одиночке, без известий о происходящем за стенами тюрьмы.

Спустя некоторое время Тучков пришел к митрополиту Петру с новым предложением: учредить православный Синод с обязательным включением в него архиепископа Григория. Будет ли участвовать в заседаниях Синода сам митрополит Петр, об этом умалчивалось, но если нужно, заметил Тучков, то члены Синода могут приезжать в Суздальский изолятор и здесь проводить свои заседания. Митрополита Сергия Тучков предложил лишить прав заместителя Местоблюстителя и переместить в Красноярскую епархию¹⁶. Тучков старался восстановить Местоблюстителя против митрополита Сергия, рассказывая о нем все худое, обвиняя его в интригах и политиканстве. Митрополит Петр решительно от этого предложения отказался. Через несколько лет, вспоминая о предложении Тучкова, владыка писал председателю ОГПУ Менжинскому: «...по

отношению к митрополиту Сергию, одному из заслуженных, просвещенных и авторитетнейших архиереев, к которому последние относились с уважением и перед которым выражала свою восторженную симпатию и управляемая им паства, – предлагаемая мера была бы посягательством на его достоинство и неслыханное для него оскорбление... Это перешло бы всякие пределы справедливости. А относительно архиепископа Григория должен сказать, что архиерей, лишенный кафедры и подвергшийся запрещению, не может быть членом Синода»¹⁷.

5 ноября 1926 года Патриарший Местоблюститель был приговорен к трем годам ссылки. В декабре митрополита этапом отправили через пересыльные тюрьмы в Тобольск. Только теперь, освобожденный из одиночки, он узнал о положении церковных дел в России и 1 января в Пермской тюрьме составил воззвание, в котором окончательно упразднил коллегия, подтвердил запрещенное в священнослужении архиепископа Григория и единомышленных с ним архиереев и сообщил о решении митрополита Агафангела отказаться от принятия на себя обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола¹⁸.

21 января 1927 года на свидание к Местоблюстителю в Екатеринбургскую тюрьму явился архиепископ Григорий, и митрополит Петр подтвердил, что архиепископ стоит вне молитвенно-канонического общения с ним, и предупредил, что производимая им и его сторонниками смута не может быть терпима в Православной Церкви. Тогда же Местоблюстителю удалось передать свое обращение на волю, и оно стало широко известно.

В феврале 1927 года митрополит Петр прибыл в село Абалак. Власти велели ему поселиться на территории упраздненного Абалакского монастыря. Пока ремонтировали отведенную ему комнату в доме рядом с сельсоветом, владыка жил в поселке. Держался он осторожно, зная, что ГПУ каждое слово может истолковать против него. Монахиня Иоанновского монастыря Евгения Манежных помогла привести в порядок комнату, иногда помогала по хозяйству, но ежедневную работу старец выполнял сам – топил печь, убирал жилье, варил пищу. Прожил он здесь недолго. Пермское воззвание сильно напугало власти, напугал сам факт обращения Местоблюстителя к православной пастве. В начале апреля 1927 года митрополит Петр был арестован и доставлен в Тобольскую тюрьму. 9 июля ВЦИК принял решение о судьбе Патриаршего Местоблюстителя: он был сослан за полярный круг на берег Обской губы в поселок Хэ.

В ссылке владыка Петр жил в атмосфере большой неприязни со стороны местных священников, ибо обдорский, абалакский и хэнский священники были обновленцами, причем последний скрывал это от митрополита. Местоблюститель в обновленческие храмы не ходил, а глядя на него, перестали их посещать и верующие, которых и без того здесь было немного.

В конце 1928 года кончалась трехлетняя ссылка Местоблюстителя, но Тучков не стал ждать окончания ссылки, и 11 мая 1928 года постановлением Особого Совещания ОГПУ срок был продлен еще на два года. Здоровье владыки становилось все хуже, он с трудом переносил климат, особенно в зимние месяцы. 15 июля 1928 года он направил заявление в ОСО ОГПУ и во ВЦИК: «...оставление меня в селе Хэ Обдорского района, далеко за полярным кругом, среди суровой обстановки слишком пагубно отражается на моем здоровье, которое после моего годичного проживания здесь пришло в окончательный упадок... Дальнейшее оставление меня в настоящем, трудно переносимом климате, при моих сильно развивающихся болезнях (эмфизема, миокардит, хронический ларингит и др.) и

при отсутствии средств для ослабления их, равносильно обречению на смерть». Заявление было оставлено властями без последствий. Через год, 15 марта, митрополит снова обратился к властям: «Пробыв около двух лет в селе Хэ, я убедился, что моя болезнь, эмфизема легких, последнее время обострилась, без сомнения, вследствие суровости климата. Но кроме эмфиземы, я еще страдаю миокардитом, каковая болезнь нередко, особенно в сильные морозы, захватывает дыхание и мешает возможности двигаться... Здесь еще я получил ревматические боли в руках и ногах... Уведомление о применении амнистии, на которую я имел одинаковое с другими право, не получил, но получил уведомление о продлении срока ссылки еще на два года. Оставление меня в настоящих суровых климатических условиях без надлежащей медицинской помощи является слишком тяжелым, а посему желательно было бы на новый срок ссылки иметь облегчение своей участи, которое могло бы выразиться в переводе меня куда-либо на юг и в такой пункт, где бы представлялась возможность находиться под наблюдением врачей...» Ответа на письмо Местоблюстителя не последовало. 29 марта 1929 года ГПУ провело у владыки обыск. Искали переписку, но ничего не нашли. Хорошо зная мелочную придирчивость ГПУ, митрополит из переписки ничего не хранил.

А еще были переживания скорбные, грустные. Почти в те же места, в Сургут, был сослан старый знакомый Местоблюстителя, крупнейший знаток жизни и учения святых отцов Церкви, профессор Иван Васильевич Попов. Они переписывались. Несколько раз Иван Васильевич посылал митрополиту Петру денежные переводы, не сообщая от кого, но однажды написал, что эти деньги пересылаются через него митрополитом Сергием (Страгородским). Владыку больно задело, что его заместитель боится пересылать ему деньги открыто. Ведь не за политические преступления находится Патриарший Местоблюститель в ссылке, а за верность Православной Церкви. Благодаря распоряжению митрополита Петра стоит ныне митрополит Сергей во главе Церкви. Заместительство митрополита Сергия – явное, их отношения открытые. Неужели же есть причины заместителю скрывать, что он оказывает материальную помощь тому, кого замещает. И в следующий раз владыка просил Ивана Васильевича отписать митрополиту Сергию, что переводов посылать больше не нужно, так как он ни в чем не нуждается. Все эти неприятные мелочи, однако, не оказывали ни малейшего влияния на решения церковные.

16/29 июля 1927 года митрополит Сергей опубликовал декларацию о лояльности. Летом 1929 года епископ Дамаскин (Цедрик) организовал посылку гонца к митрополиту Петру¹⁹.

Из доставленных документов картина представлялась тревожная. Патриарший Местоблюститель видел, что церковный мир нарушается, что некоторые архиереи уходят из административного подчинения митрополиту Сергию, а это чревато расколом. В декабре 1929 года Местоблюститель отослал митрополиту письмо²⁰.

Не получив ответа, Местоблюститель в феврале 1930 года послал второе письмо²¹. Но и на это письмо он ответа не получил и тогда летом передал копию декабрьского письма с оказией, одновременно предав его огласке²². Это письмо, как и возможность обращения Патриаршего Местоблюстителя к своему заместителю, переполошила власти.

17 августа 1930 года ГПУ арестовало владыку. При аресте ему не было сказано, что его ожидает, а между тем срок ссылки заканчивался через четыре

месяца, и митрополит почти все свои вещи роздал нищим. После трехмесячного пребывания в Тобольской тюрьме он был переведен в тюрьму Екатеринбурга, где его посетил уполномоченный ОГПУ Полянский и предложил снять с себя сан Местоблюстителя. Иначе, угрожал он, митрополита ждет новое заключение. Митрополит отказался.

С отказом от местоблюстительства митрополита Петра сразу упали бы и права митрополита Сергия, и Поместная Церковь осталась бы без канонически законного возглавия, что могло только усилить и утвердить все начинающиеся расколы. Нет, своей рукой лить горячее в этот огонь геенский Местоблюститель не хотел и не мог. Он хорошо знал, что расколы не преодолеваются в земной жизни поместных церквей. Воодушевление и вдохновенная проповедь расколоучителей прольются горькими слезами в потомках их последователей. Грех расколоучительства не покроеется ни благочестием личной жизни, не омоется и мученической кровью²³.

В ноябре 1930 года ГПУ открыло против Местоблюстителя новое дело, обвинив его в том, что, находясь в ссылке, вел он «среди окружающего населения пораженческую агитацию, говоря о близкой войне и падении сов-власти и необходимости борьбы с последней, а также пытался использовать церковь для постановки борьбы с соввластью». Начальнику Тобольского окротдела ОГПУ было приказано «раздобыть данные, уличающие Петра Полянского в сношении с церковниками и попытках руководства церковью в антисоветском направлении... обратить внимание на его связь с тобольским духовенством... Подтвердить свидетельскими показаниями... все... факты антисоветской агитации со стороны Полянского, и в особенности факты направления верующих на активную борьбу с обновленцами».

30 ноября Местоблюститель был вызван на допрос; он отвечал: «Находясь в ссылке на тобольском севере, в дела управления Церковью я не вмешивался, был только один случай, я написал митрополиту Сергию письмо, в котором сообщил о дошедших до меня слухах о том, что в Церкви происходят раздоры и разделения в связи с переходом им границ доверенной ему церковной власти, и просил его все это устранить... Далее, находясь в Абалаке, ссыльный священник обратился ко мне с предложением, очевидно, идущим из Тобольска, о награждении некоторых духовных лиц. Я ему ответил, чтобы местный архиерей написал мне по этому поводу. Со своей стороны я имел в виду представить это митрополиту Сергию со своим мнением».

12 декабря митрополит Петр был вызван к следователю Костину, который прочитал ему обвинительное заключение и предложил ответить на некоторые вопросы. Понимая всю важность ответов и что ОГПУ будет придирается к каждому слову, владыка писал показания собственноручно:

«В предъявленном обвинении виновным себя не признаю. Пораженческой агитацией в ссылке не занимался... Вообще я противником советской власти никогда не был. Советскую власть я признаю, ее распоряжениям подчиняюсь. Повторяю, что против советской власти каких бы то ни было ни с кем разговоров не вел, и это было бы безумием с моей стороны».

14 января следователь объявил владыке об окончании следствия и спросил, желает ли он дополнить свои показания. Митрополит написал:

«Я решительно заявляю о своей непричастности к тем действиям, в которых хотят меня обвинить... действиям нелепым и детски наивным... Я знаю, что совесть моя чиста, и это побуждает меня просить о проявлении ко мне советской

справедливости, учитывая при этом мою старость, обремененную болезнями, и продолжительную ссылку... Нельзя не принять во внимание и того, что контрреволюционной деятельности отводится время четыре года тому назад, никто из властей ни одним словом до последнего времени не упрекнул меня в том».

Допрос кончился, и снова – одиночное заключение. Митрополиту Петру было шестьдесят девять лет. От природы могучее здоровье сокрушено за девять лет ссылок и тюрем. Словно надеясь на его скорую смерть, митрополита ставили в невыносимые условия; так прошел почти год одиночного екатеринбургского заключения – без передач, без свиданий с кем бы то ни было, кроме уполномоченных ГПУ и тюремных надзирателей, почти без прогулок. В тюрьме сломались зубные коронки, он обратился к властям, чтобы те вызвали зубного техника, но власти оставили просьбу без внимания. Отсутствие коронок и невозможность хорошенько пережевывать пищу привели к тому, что после каждого приема еды у него случались сильные боли в желудке и в конце концов развился катар. Ночами все чаще стали случаться приступы астмы. Он с тревогой ложился ночью на тюремную койку, с сомнением – встанет ли завтра. Приступы астмы бывали чаще всего после полуночи, сопровождаясь нестерпимыми страданиями. Во время обмороков он падал и подолгу лежал на тюремном полу. Иногда это продолжалось так долго, что входил надзиратель и переносил старца-митрополита на койку.

Весной 1931 года в тюрьму прибыл Тучков и предложил Местоблюстителю стать осведомителем ОГПУ, угрожая в случае отказа новым сроком заключения. Предложено было безысходно. Владыка сказал нечто неопределенное и тут же спохватился. Он почувствовал, что его душе угрожает большая опасность. И потеряв обычную свою выдержку и благожелательность, которую он неизменно сохранял к своим мучителям, ответил Тучкову резко. Все годы тяжелого одиночного заключения он отгонял от себя худые мысли и чувства. Благодатию Божией он не то что поступком, а и словом не проявил ни к кому неприязни или нерасположения. И потому разговор в повышенном тоне был ему неприятен. Тучков увидев, что план погубления митрополита не состоялся, стал прощаться.

Странное чувство охватило душу старца, и прошло не менее двух часов прежде чем, помолившись, он сумел успокоиться и уяснить до конца происходящее. Конечно же, и речи не могло быть ни о каком сотрудничестве с ГПУ, и это надо было заявить определенно. В тот же день он обратился к надзирателю, чтобы тот вызвал следователя Костина, присутствовавшего при разговоре, но надзиратель сказал, что того в тюрьме нет. На следующий день митрополит попросил отправить Тучкову телеграмму и затем написал письмо Менжинскому, в котором вежливо, но твердо отказывался от предложения. «Если бы я являлся только гражданином П.Ф., – писал Местоблюститель, – то путь мой был бы направлен иначе, но как первый предстоятель Церкви я не должен искать своей линии. В противном случае получилось бы то, что на языке церковном называется лукавством... Расстроенное здоровье и преклонный возраст не позволят мне со всей серьезностью и чуткостью отнестись к роли осведомителя, взяться за которую предлагал тов. Е.А. Тучков. Нечего и говорить, что подобного рода занятия не совместимы с моим званием и к тому же несходны моей натуре».

Владыка не сомневался, как нужно поступать в случае предложения ГПУ о сотрудничестве. Он в одном из своих тюремных писем писал: «Мы по слабости нашей более или менее отступаем от того идеала, той истины, которая заповедана христианам. Но важно то, чтобы не быть озабоченным только этим земным и ради этого не убивать яростно истину и не сходить с ее пути. Тогда лучше вовсе отречься от Бога... А между тем, если говорить по совести, то дело, которое послужило причиной такой репрессии²⁴. нравственно недопустимо не только для предстоятеля Церкви, но и вообще для всякого христианина, в котором господствует идея греха и искупления. В этом деле пришлось бы столкнуться с двумя совершенно противоположными принципами: принципом христианским и принципом революционным. Основой первого принципа служит любовь к ближнему, всепрощение, братство, смирение; а основой второго принципа является:

цель оправдывает средства – классовая борьба, разгром и т.п. Становясь на точку зрения этого второго принципа, становишься на революционный путь, напрашиваешься на борьбу и таким образом отрекаешься не только от истинного символа христианской веры и уничтожаешь ее основы – идеи любви и другие, но и принципы исповедания веры. Нет нужды говорить, как должна быть разрешена эта дилемма – любовь к ближнему и классовая борьба – серьезно верующим человеком, и, в частности, не наемником, а настоящим пастырем Церкви. Едва ли бы последний знал покой во всю свою жизнь, если бы подвергся искушению со стороны указанных противоречий».

Переживания Патриаршего Местоблюстителя после визита Тучкова были столь сильны, что спустя несколько дней владыку парализовало, отнялись правая рука и нога. Рука со временем пришла в прежнее состояние, а нога окончательно не выздоровела, что давало знать при ходьбе.

Со времени ареста прошло девять месяцев, предъявленное обвинение было смехотворно, но, похоже, Местоблюстителя не собирались выпускать из одиночки. 25 мая 1931 года он писал председателю ОГПУ Менжинскому: «В настоящее время я настолько изнурен, что затрудняюсь двигаться, стоять и даже говорить. Приступы удушья, иногда совместно с обморочными состояниями, участились, и всякий раз после них делаюсь совершенно разбитым и словно немслящим. Лишение существенных потребностей слишком велико, и все мои мысли фиксированы на одном вопросе: когда же, наконец, окончатся мои скитания по тюрьмам и ссылкам, продолжающиеся вот уже девять лет... За все время ареста я еще ни разу не видел солнца. Мне приходится положительно подвизаться, сидя в камере. Мои двадцатиминутные прогулки (точнее – сидение у тамбура, ведущего в каменный подвал), по условиям тюремной жизни, обычно совершаются между десятью и половиной двенадцатого ночи, да и то с перерывами. Угнетает также изоляция, лишение права переписываться с родными и получать от знакомых пищу... С особой настойчивостью утверждаю, что контрреволюцией я никогда не занимался, каких-либо противоправительственных деяний не совершал... Обращаюсь в лице Вашего к советской справедливости и убедительно прошу Вас освободить меня из заключения и возвратить на место постоянного жительства, где бы я мог основательно заняться лечением у пользовавших меня раньше профессоров и иметь общение с сослуживцами архиереями — моим заместителем и другими».

23 июля 1931 года Особое Совещание ОГПУ выслушало «дело» митрополита. «Дело» рассматривали в порядке постановления президиума ВЦИК

СССР от 9.06.27 года. Постановили: Полянского-Крутицкого Петра Федоровича заключить в концлагерь сроком на пять лет. Считая срок с момента вынесения настоящего постановления». То есть без зачета года, проведенного в одиночке.

19 августа уполномоченные ОГПУ Агранов и Тучков отправили администрации Екатеринбургской тюрьмы служебную записку с рекомендацией, как следует содержать митрополита: «...Полянского (Крутицкого) Петра Федоровича, осужденного к заключению в концлагерь... просьба содержать под стражей во внутреннем изоляторе...»

После объявления приговора следователь Костин посоветовал митрополиту раскаяться и написать покаянное заявление о своем участии в Союзе Русского Народа.

– Я не только не участвовал в такой организации, – ответил Местоблюститель, – но даже и не слышал, чтобы подобная организация существовала в Советском Союзе.

– Тогда вам нужно принести раскаяние за участие в антисоветской организации, – сказал Костин.

– Но я ни в каких подобных организациях не участвовал, – ответил владыка.

Время шло, надежды на освобождение таяли. Удивляло владыку, что мера осуждения по своей тяжести совершенно не соответствовала тому приговору, который ему был зачитан. Он стал просить власти смягчить заключение или освободить его, учитывая отсутствие за ним какого бы то ни было политического преступления. «Я постоянно стою перед угрозой более страшной, чем смерть, как, например, паралич, уже коснувшийся оконечностей правой ноги, – писал он, – или цинга, во власти которой нахожусь свыше трех месяцев, и испытываю сильнейшие боли то в икрах, точно кто их сжимает туго железным обручем, то в подошвах, – стоит встать на ноги, как в подошвы словно гвозди вонзились. Меня особенно убивает лишение свежего воздуха, мне еще ни разу не приходилось быть на прогулке днем; не видя третий год солнца, я потерял ощущение его. С ранней весны вынужден прекратить и ночные выходы. Этому препятствуют приступы удушья (эмфизема), с вечера настолько развивающиеся, что положительно приковывают к месту, бывает, что по камере затруднительно сделать несколько шагов. В последнее время приступы удушья углубились и участились. Неизменно повторяясь каждую ночь, они то и дело поднимают с постели.

Приходится сидеть часами, а иногда и до утра, не ладно делается и с сердцем – тяжелые боли в нем доводят до обморочных состояний... Много раз умолял врача исходатайствовать мне дневные прогулки, лечебное питание взамен общего стола, тяжелого и не соответствующего потребностям организма... но все тщетно, неоднократно и сам обращался к начальству с той же просьбой, и также безрезультатно, а болезни все сильнее и сильнее углубляются и приближают к могиле. Откровенно говоря, смерти я не боюсь, только не хотелось бы умирать в тюрьме, где не могу принять последнего напутствия и где свидетелями смерти будут одни стены. Поступите со мной согласно постановлению... отправьте в концлагерь... как ни тяжело там будет, все-таки несравненно легче настоящей одиночки...»

В июне 1933 года условия заключения еще более ужесточились: ему заменили ночные и поздневечерние прогулки в общем дворе на прогулки в крохотном дворике, представлявшем собою подобие сырого погреба, на дне которого постоянно скапливались от дождевой воды лужи, а воздух был

наполнен испарениями отхожих мест, соседствующих с двориком. Когда владыка впервые увидел ночью свое новое место прогулок, ему стало жутко, он почувствовал себя скверно, с ним сделался припадок удушья, и, боясь упасть, он едва добрался до камеры и не сразу пришел в себя.

И снова старец пишет властям. Две темы перед ним – бесконечных страданий и своих обязательств перед Церковью: «...неослабно подвергаюсь лишениям даже тех элементарных прав, какие здесь разрешены... с конца лета 1930 года и до сего дня еще ни разу не видел солнца... воздух здесь... пронизан едкой пылью каменного угля, а зимой... дымом и сажой, обильно выбрасываемой из трубы котельной... В общей сложности мое пребывание в тюрьмах, политизоляторах и ссылках продолжается уже более десяти лет... Ввиду изложенных обстоятельств... решаюсь ходатайствовать о сокращении в порядке амнистии срока моего наказания до трех лет, с зачетом предварительного заключения... Для совершения приписываемого мне преступления у меня не только не было никакого желания, но даже и физической возможности... Обвинение по 58 статье было выдвинуто совершенно неожиданно после того... как я высказал противоположное суждение по вопросу об отречении от местоблюстительства.

(Для себя лично, с точки зрения своего естественного эгоизма, я не должен бы в этом вопросе расходиться с представителями власти, но я не мог поступить иначе).

В сущности местоблюстительство лично для меня не представляет интереса, наоборот, оно все время держит меня в оковах гнета... Но я должен считаться с тем обстоятельством, что решение данного вопроса не зависит от моей инициативы и не может быть актом моей единоличной воли. Своим званием я неразрывно связан с духовными интересами и волей всей Поместной Церкви. Таким образом, вопрос о распоряжении местоблюстительством, как не являющийся личным вопросом, не подлежит и личному усмотрению, в противном случае я оказался бы изменником Святой Церкви. Между прочим и в акте о моем вступлении имеется напоминание, что я обязан не уклоняться от исполнения воли Патриарха Тихона, а следовательно и воли подписавшихся к акту архиереев... равно как и воли клира и верующих, девятый год состоящих со мной в молитвенном общении».

Шли месяцы и годы, а в положении Местоблюстителя ничего не менялось, разве что условия становились все жестче и строже: его перевели в одиночку Верхнеуральской Тюрьмы Особого Назначения; надзирателям здесь было запрещено куда-либо его выводить, где он мог бы столкнуться с другими людьми.

В Верхнеуральской тюрьме митрополит Петр пробыл до окончания срока, 23 июля 1936 года. День прошел, но его не освободили. Еще 9 июля 1936 года состоялось заседание Особого Совещания при НКВД СССР (за секретаря – Тучков), на котором было решено продлить срок заключения митрополита Петра еще на три года; было послано ходатайство об утверждении срока во ВЦИК СССР. Состоявшееся 25 августа заседание президиума ВЦИК постановило ходатайство Особого Совещания НКВД о продлении срока тюремного заключения еще на три года удовлетворить. 1 сентября 1936 года Патриаршему Местоблюстителю объявили о продлении срока. Митрополиту Петру было уже семьдесят четыре года, и срок этот можно было считать пожизненным. Во всяком случае власти решили считать святителя умершим, о чем и сообщили митрополиту Сергию. В декабре 1936 года митрополиту Сергию был усвоен титул Патриаршего

Местоблюстителя. А Местоблюститель был еще жив. И так прошел еще год заключения. В июле 1937 года по распоряжению Сталина был разработан оперативный приказ о расстреле в течение четырех месяцев всех находящихся в тюрьмах и лагерях исповедников. В соответствии с этим приказом администрация Верхнеуральской тюрьмы составила против митрополита Петра обвинение: «Отбывая заключение в Верхнеуральской тюрьме, проявляет себя непримиримым врагом советского государства, клеветает на существующий государственный строй... обвиняя в «гонении на Церковь», «ее деятелей». Клеветнически обвиняет органы НКВД в пристрастном к нему отношении, в результате чего якобы явилось его заключение, так как он не принял к исполнению требование НКВД отказаться от сана Местоблюстителя Патриаршего престола».

2 октября 1937 года Тройка НКВД по Челябинской области приговорила Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра к расстрелу. Он был расстрелян через несколько дней, 10 октября в четыре часа дня.

Игумен Дамаскин (Орловский)
«Мученики, исповедники и подвижники благочестия
Русской Православной Церкви XX столетия.
Жизнеописания и материалы к ним. Книга 2»
Тверь. 2001. С. 341-369

Примечания

---

¹ Смирнову.

² Преображенскому.

³ Божию милостию

Местоблюститель Патриаршего Престола,

Митрополит Крутицкий Смиренный Петр

Возлюбленным о Христе Архипастырям, Пастырям и всем чадам

Православной Российской Церкви

Благодать Вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа

Уже более трех месяцев прошло с тех пор, как Господу угодно было призвать к Себе Кормчего Русской Церкви, благостнейшего Отца нашего Святейшего Патриарха Тихона. Тяжела для нас эта утрата, особенно в настоящее время, когда корабль церковный приходится вести к тихой пристани среди бушующих волн житейского моря.

Много врагов у Православной Христовой Церкви. Теперь они усилили свою деятельность против православия. Католики, вводя наш богослужебный обряд, совращают, особенно в западных, издревле православных, областях, верующий народ в унию и тем самым отвлекают силы Православной Церкви от более неотложной борьбы с неверием.

Так называемые евангелисты или баптисты, а также и другие сектанты всюду, где только возможно, проповедуют свои вероучения и увлекают доверчивые души мнимую святостью своей жизни и обещанием материальной помощи. И бедная, немощная православная душа, не будучи в состоянии познать всю ложность сектантских учений, восторгаясь воодушевлением их проповедников, а нередко соблазняясь и материальными расчетами, пьет яд духовной отравы и гибнет, отпадая от Святой Церкви Православной... Все это происходит в то время, когда широкой волной разливается неверие, проникая во все слои нашего общества.

К глубокому прискорбию, попущением Божиим, произошло разделение и внутри самой Православной Церкви. По слову Божию. они вышли от нас, но не были наши, ибо если бы они были наши. то остались бы с нами (1 Ин. II. 19). Мы разумеем так называемых живоцерковников, обновленцев, возрожденцев, самосвяттов и т.п. Все они своей самочинной иерархией и самочинным устройением церковной жизни, как в исконной России, так и на Украине и в других

местах, отделяются от единого Тела Христова, т. е. от Святой Его Православной Церкви, и тем смущают православный народ. Но непреложны слова Господа: то, что утаено от премудрых и разумных. Господь действительно открыл младенцам (Лк. X, 21). Наш православный русский народ простым сердцем своим почувствовал внутреннюю неправоту обновленческого движения и всю его опасность. Где только ему возможно, он со справедливым негодованием отвергает это движение и не посещает обновленческих храмов.

В настоящее время так называемые обновленцы все более и более говорят о соединении с нами. По городам и уездам они собирают собрания, приглашают на них православных клириков и мирян для совместного обсуждения вопроса о соединении с нами и для приготовления к созываемому ими осенью текущего года своему новому лжесобору. Но должно твердо помнить, что по каноническим правилам Вселенской Церкви все такие самочинно устраиваемые собрания, как и бывшее в 1923 году живоцерковное собрание, незаконны. Поэтому на них присутствовать православным христианам, а тем более выбирать от себя представителей на предстоящее собрание, канонические правила воспрещают. По 20-му правилу Антиохийского Собора, «никому да не будет позволено составлять соборы, самим по себе, без тех епископов, коим вверены митрополии». В Святой Божией Церкви законно и канонично только то, что благословлено Богоучрежденною Церковною властью, преемственно сохраняющейся от времен Апостольских. Все же самочинное, все, что совершалось обновленцами без соизволения в Бозе почившего Святейшего Патриарха, все, что теперь совершается без благословения нашей мерности – Местоблюстителя Патриаршего Престола, действующего в единении со всей православной законной иерархией, – все это не имеет силы по канонам Святой Церкви (Апост. пр. 34. Антиох. пр. 39), ибо истинная Церковь едина и едина пребывающая в ней благодать Всесвятаго Духа: не может быть двух церквей и двух благодатей. Едино тело и един дух якоже и зван и бысте во едином уповании звания вашего. Един Господь, едина вера, едино крещение, един Бог и Отец всех (Еф. IV, 4, 5).

Не о соединении с Православною Церковью должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести искреннее раскаяние в своих заблуждениях. Главные их заблуждения состоят в том, что, отступив самочинно от законной иерархии и ее главы. Святейшего Патриарха, они пытались обновить Христову Церковь самочинным учением («Живая Церковь», №№ 1-11), они извратили церковные правила, установленные Вселенскими Соборами (Постан. лжесобора 4 мая 1923 г.); они отвергли власть Патриарха, соборне установленную и признанную всеми восточными Православными Патриархами, т. е. отвергли то, что признало все Православие, и кроме этого на своем лжесоборе осудили его. Вопреки правилам Св. Апостолов, Вселенских Соборов и Св. Отцев (Апост. пр. 17, 18; 1 Всел. Соб. пр. 3, 12, 48; Св. Вас. Вел. 12) они разрешают епископам быть женатыми и клирикам – двоеженцами, т.е. нарушают то, что вся Вселенская Православная Церковь признает для себя законом и что может быть изменено только Вселенским Собором. Таким образом, они разрывают связь с Церковным Священным Преданием и подпадают под Соборное осуждение за нарушение Предания (Догм. опред. 7 Всел. Собора). Даже первоначальные деятели обновленческого движения (еп. Антонин и др.) сами сознали всю неканоничность своих заблуждений, о чем открыто и настойчиво заявляют в своих проповедях и воззваниях...

Присоединение к Святой Православной Церкви так называемых обновленцев возможно только при том условии, если каждый из них в отдельности отречется от своих заблуждений и принесет всенародное покаяние в своем отпадении от Церкви. И мы непрестанно молим Господа Бога, да возвратит Он заблудших в лоно Святой Православной Церкви.

Богомудрые и Боголюбезные Архипастыри, честные Пастыри и все возлюбленные Православные христиане. В столь тяжелое переживаемое ныне время церковной жизни, уповая на Божественное, пекущееся о нас Промышление, будем пребывать в союзе мира и любви между собою, будем едино (Ин. XVII, 22-23), помогая друг другу, охраняя нашу Православную веру, являя везде и всюду примеры доброй жизни, любви, кротости, смирения и повиновения существующей Гражданской Властью, в согласии с заповедями Божиими (Мк. XII. 17; Рим. XIII, 1; Деяния Ап. IV, 18, 19), памятуя, что Церковь Христова ведет верующих только к духовно-нравственному совершенствованию и нет в ней никакого места для политической борьбы, дабы последняя видела это и Дух Божий возглаголал бы через нее благая о Церкви Святой (1 Петр. II, 12-14).

Будем усердно молить Милостивого Бога, да незыблему сохранит Он в православии нашу Русскую Церковь.

«Утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси честною Твоею Кровию» (Св. Космы Маюмского 3-й ирмос на Сретение Господне).

Патриарший Местоблюститель Митрополит Петр Богоспасаемый град Москва в лето 1925 июля 28 дня

⁴ Печатание газетами обвинений против митрополита Петра не было, конечно, действием случайным. Советские власти и ГПУ приняли решение об уничтожении митрополита. 11 ноября 1925 года комиссия по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК партии большевиков постановила: "Поручить т. Тучкову ускорить проведение наметившегося раскола среди тихоновцев... В целях поддержки группы (архиепископа Григория Яцковского. – И. Д.), стоящей в оппозиции к Петру... поместить в "Известиях" ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого собора. Просмотр статей поручить тт. Стеклову И.И., Красикову П.А. и Тучкову. Им же поручить просмотреть готовящиеся оппозиционной группой (архиепископа Григория. – И. Д.) декларации против Петра. Одновременно с опубликованием статей поручить ОГПУ начать против Петра следствие" (ЦПА. Ф. 4, оп. 1, ед. хр. 775, л. 39.)

⁵ Будущие григорианцы.

⁶ В Совет Народных Комиссаров СССР

Декретом Совнаркома РСФСР от 23/1-18 г. в развитие 4-го пункта конституции (п. 13) с объявлением отделения Церкви от государства, за всеми гражданами была признана свобода исповедания любой религии (п. 1) и совершения религиозных обрядов (п. 5) и, как гарантия этой религиозной свободы «в пределах республики», было запрещено «издавать какие-либо местные законы или постановления, которые стесняли бы или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан» (п. 2).

Последующими постановлениями и распоряжениями соответствующих органов власти были разрешены выпуск в свет и распространение религиозной литературы (Цирк. НКЮ и НКВД от 15/VII-21 г., п. 4) и организация богословских курсов (Декр. ВЦИК 13/VI-21 г. примеч. к п. 3 и разъяснение 5-го отдела НКЮ от 2/V-23 г. № 280). Изданием декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 3/VIII-22 г. и инструкции к нему НКЮ и НКВД РСФСР от 27/IV-23 г. верующим предоставлено право внутреннего церковного самоуправления; созыв общегубернских и всероссийских съездов своего культа и организация исполнительных органов. Ввиду замеченных на практике отступлений местных властей от прежде изданных декретов инструкцией НКЮ по соглашению с НКВД от 19/VI-23 г. (С.У. за 1923 г., № 72) вместе с подтверждением обязательной силы за всеми изданными по церковным вопросам законодательными распоряжениями запрещалось: «всем государственным установлениям, путем административного вмешательства, поддерживать какой-либо культ или какое-либо церковное управление в ущерб другим культам или религиозным группировкам» (п. 7) и на местную власть возлагалась обязанность «оградить спокойное и свободное отправление религиозных потребностей граждан в той лояльной форме, какая им угодна» (п. 8).

Действительно, разнообразные религиозные исповедания на территории СССР, от примитивного шаманства малокультурных инородцев до всевозможных толков сектантства – пользуются предоставленными им гарантиями религиозной свободы и самоуправления. Они регистрируются в дозволяемых законодательством СССР границах, и их организации получают право законного существования.

Православно-верующими (или по терминологии НКЮ «староцерковниками») также вместе с представителями других религиозных исповеданий в указанный срок (июнь 23 г.) были представлены в надлежащие учреждения все требуемые законом (С.У. 23 г. № 49) материалы для регистрации их религиозных обществ, но несмотря на то, что соответствующий декрет (п. 5) вменяет в обязанность регистрирующим органам в месячный срок (продленный постановлением Президиума ВЦИК от 23/VI-24 г. протокол № 19 до 1/XI-24 г.) или зарегистрировать общество или учредить его сообщить мотивы к отказу, – тем не менее до сего времени дела о регистрации православных обществ остаются без движения.

Инструкцией о порядке регистрации религиозных обществ (№ 92 «Известий» от 27/IV-23 г.) предусмотрены два повода к отказу в регистрации: 1) если число членов общества менее 50 или 2) если устав, задача и метод деятельности подлежащего регистрации общества противоречат конституции РСФСР и ее законам. Количество членов наших обществ, как известно, исчисляется не десятками, а сотнями и тысячами, устав представлялся всюду типовой, опубликованный при

самом положении о регистрации, о своей же законопослушности и политической лояльности наша Православная Церковь за последнее время делала неоднократные заявления.

Так, глава Православной Церкви, почивший Патриарх Тихон, в последние годы несколько раз свидетельствовал об этом, и искренности его заявлений, как можно судить по официальной прессе после его кончины, верили общественно-политические круги. Нами, по преемству от Патриарха Тихона ныне возглавляющим Православную Церковь, в послании к верующим от 28/VII с.г. вновь подтверждалась политическая лояльность и совершенная непричастность Православной Церкви ко всем видам и формам зарубежной и местной политической борьбы. «Церковь, – писали мы, – ведет верующих только к духовно-нравственному совершенствованию, и нет в ней места для политической борьбы».

В связи с неразрешением до сего времени вопроса о регистрации, положение Православной Церкви в некоторых провинциальных городах за минувший год еще более ухудшилось в сравнении с прежними годами. Там от православных епископов, как незарегистрированных, стали отбираться органами подписки о запрещении им посвящать в священные степени, т. е. совершать определенные священнодействия и руководить духовной жизнью верующих тех общин, которые их избирают.

Для получения священнослужителей органы управления направляют наших православно-верующих к так наз. обновленцам, к которым по различию своих религиозных убеждений они никакого отношения не имеют. Там, где епископы возражали против предъявленных требований, их административно выселяли, а верующие, оставаясь без епископа, должны были ездить из города в город для удовлетворения своих религиозных нужд. Также наблюдаются факты пристрастного и несправедливого отношения к передаче храмов, отнятия их от многочисленных правосл. общин и передачи ничтожной обновленческой группе, несмотря на неоднократные разъяснения НКЮ (напр., 29/III-24 г. № 7792) о незаконности подобных деяний. Есть города и селения, где обновленцев десятки, а владеют они большинством храмов, тысячи же православных ютятся в 1-2-х маленьких церквях.

Даже в самой Москве наше бесправное положение дает основание органам власти духовным интересам большинства православных предпочитать материальную выгоду меньшинства обновленцев. Так, все наиболее чтимые православные святыни, напр., Иверская икона Божией Матери, икона св. Пантелеймона и др. переданы обновленцам.

Бесправностью нашего положения объясняется та постоянная устная и печатная клевета, которую возводят так наз., обновленцы, живоцерковники, возрожденцы и пр., обвиняя ее в ничем недоказанных политических преступлениях, как это было, напр., на последнем обновленческом съезде. Мы пытались через прокурора Республики заявить протест против клеветнических публичных выступлений обновленческого митр. Александра Введенского, но наш протест не был принят. Мы просили свой протест напечатать в официальном правительственном органе («Известия»), где помещались заметки о заседаниях этого съезда.

Так, несмотря на все определенные указания и их разъяснения, несмотря на всю парадоксальность подозрений массы населения в политической неблагонадежности, Православная Церковь все же не может получить свободы самоопределения вероучительства, самоуправления, равноправия и защиты закона наравне с иными и меньшими по количеству своих членов религиозными объединениями.

Такое ненормальное, «бесправное» положение доминирующего, особенно среди крестьянской массы, правосл. объединения, естественно, волнует население, создает атмосферу недовольства, нарушает спокойное течение общественной жизни, что подмечено и официальной прессой (см. в «Известиях» статью секретаря ВЦИКа Киселева о поездке по селениям Рязанской губ.), заставляет население терять много времени и средств на поиски защиты своей гарантированной законом религиозной свободы. Возглавляя в настоящее время после почившего Патриарха Тихона правосл. Церковь на территории всего Союза и свидетельствуя снова о политической лояльности со стороны правосл. Церкви и ее иерархии, я обращаюсь в Совнарком с просьбой, во имя объявленного лозунга о революционной законности сделать категорические распоряжения ко всем исполнительным органам Союза о прекращении административного давления на Православную Церковь и о точном выполнении ими изданных центральными органами власти узаконений, регулирующих религиозную жизнь населения и обеспечивающих всем верующим полную свободу религиозного самоопределения и самоуправления. В целях практического осуществления этого принципа я прошу, не откладывая далее, зарегистрировать повсеместно на территории СССР староцерковные православные общества со всеми вытекающими из этого акта правовыми последствиями и проживающих в Москве архиереев

возвратить на места. Вместе с этим беру на себя смелость возбудить ходатайство пред Совнаркомом о смягчении участи административно наказанных духовных лиц. Одни из них – и притом некоторые в преклонном возрасте – не один год томятся в глухих безлюдных местах Печоры и Нарыма со своими застарелыми недугами без всякой медицинской помощи кругом, другие на суровом Соловецком острове исполняют физическую принудительную работу, к которой большинство из них совершенно не приспособлено. Есть лица, амнистированные ЦИКом СССР и после этого вот уже 2 года томящиеся в безводных степях Туркестана, есть лица, отбывшие свой срок ссылки, но все еще не получившие разрешения возвратиться на места служения.

Я решаю также просить и о более гуманном отношении к духовным лицам, находящимся в тюрьмах и отправляемым в ссылку. Духовенство в подавляющем большинстве изолируется по подозрению в политической неблагонадежности, а потому по справедливости к ним должен был применяться тот же несколько облегченный режим, каковой везде и всюду применяется к политическим заключенным. Между тем, в настоящее время наше духовенство содержится вместе с закоренелыми уголовными преступниками, и иногда регистрируемые, как бандиты, вместе с ними в общих партиях отправляются в ссылку.

Выражая в настоящем ходатайстве общие горячие пожелания всей моей многомиллионной паствы, как признанный ее высший духовный руководитель, я питаю надежду, что желания нашего православного населения не будут оставлены без внимания высшим правительственным органом всей нашей страны; так как предоставить наиболее многочисленной Правосл. Церкви права легального свободного существования, какими пользуются другие религиозные объединения, – это значит совершить по отношению к большинству народа только акт справедливости, который со всею признательностью будет принят и глубоко оценен православно-верующим народом.

⁷ Страгородский.

⁸ Ермаков.

⁹ Петровых.

¹⁰ Участвовали: заместитель председателя комиссии Попов, Смидович, Красиков, Менжинский, Путинцев, Тучков.

¹¹ Евгений Александрович Тучков в течение пятнадцати лет играл значительную роль в церковной истории. Он разработал многие планы уничтожения Православной Церкви, которые проводились в двадцатых-тридцатых годах. Большевиками он был поставлен на ключевое в этом отношении место. Он одновременно возглавлял в ГПУ секретный отдел по уничтожению Церкви и входил в комиссию по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП(б).

Тучков родился в 1892 году во Владимирской губернии в деревне Теляково. В 1903 году окончил четыре класса сельской школы. В 1905 году поступил мальчиком в кондитерскую. С 1911 по 1915 год работал конторщиком в кожевенно-обувной мастерской в городе Шуе. Затем три года был писарем при тыловых военных начальниках. После революции 1917 года вступил в партию большевиков. В 1918 году поступил в губернскую Чрезвычайную Комиссию Иваново-Вознесенска заведующим юридическим отделом. В 1919 году оказался в Уфе организатором отряда особого назначения. Был назначен на должность заведующего секретным отделом губернской ЧК. Весной 1922 года переехал в Москву и здесь стал заместителем, а затем начальником 6-го секретного отдела ОГПУ и одновременно секретарем комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства, в каком качестве пребывал во все время существования комиссии. В 1922-1923 годах ОГПУ провело по России огромное количество репрессивных дел, связанных с изъятием церковных ценностей. В те же годы были проведены, независимо от изъятий, множество операций, преследующих своей целью уничтожение Церкви. За немногими исключениями, почти все епископы были смещены со своих кафедр, сосланы и заключены в концлагеря. Той же участи подверглись и выдающиеся священнослужители и миряне. За заслуги в проведении репрессий Тучков в 1923 году был награжден пистолетом «Маузер».

Все последние годы жизни Патриарха Тихона Тучков собирал от осведомителей сведения о близких Патриарху людях, беспощадно преследуя всех тех, кто оказывал Патриарху помощь в ежедневном труде по управлению Церковью. Сведения, собранные Тучковым, зачастую не отличались большой достоверностью. Например, в сентябре 1924 года Тучков составил список, куда входили духовенство и миряне, которые будто бы особенно были близки к Патриарху Тихону и настойчиво уговаривали его не допускать в церковное управление Красницкого. Сведения были, однако, настолько далеки от достоверности, что Тучков и сам не решился провести обвиняемых даже через Особое Совещание ОГПУ. А сведения были такие: «имеет личное знакомство с

Тихоном и влияние на него, которое использовал в примирении Тихона с Красницким, стараясь его не допустить», «пользуется влиянием на тихоновцев», «очень часто бывает у Тихона», «лично известен Тихону», «предан Тихону» и т. д. Список с тридцатью именами был передан мимо всех судебных и внесудебных инстанций в бандотдел ОГПУ, ударная группа которого всех арестовала и тут же выслала – кого в Сибирь, кого в Туруханский край. Через месяц-другой родственники арестованных, ошеломленные столь стремительно проведенными арестами и высылкой, стали выяснять происшедшее и жаловаться. Причем, выяснилось, что в списки активных церковников попали люди неверующие. Прокуратура потребовала пересмотра. Но ОГПУ в это время как раз отстаивало безграничность своих прав, стояло на своем твердо и согласилось лишь на смягчение приговоров, разрешив высланным переехать из глухой тайги в ближайший уездный город того же Туруханского края.

За арест и «дело» митрополита Петра, создание смуты, связанной с митрополитом Агафангелом (Преображенским), окончательное оформление раскольничьей группы архиепископа Григория (Яцковского) и опубликование «декларации» митрополита Сергия (Страгородского) Тучков в 1927 году был награжден грамотой и золотыми часами. В 1928 году он решил получить высшее образование и поступил на первый курс МГУ. После первого курса Тучков ушел из университета. С 1929 по 1931 год Тучков активно занимался составлением оперативных и следственных дел по всей России, результатом которых явились расстрелы многих священнослужителей и мирян. В 1931 году начальник секретно-политического отдела ОГПУ Агранов представил во ВЦИК ходатайство о награждении Тучкова за деятельность, связанную с уничтожением Церкви. Характеризуя своего подчиненного, Агранов писал: «Под руководством тов. Тучкова и при его непосредственном участии была проведена огромная работа по расколу православной церкви (на обновленцев, тихоновцев и целый ряд других течений). В этой работе он добился блестящих успехов.

Е.А. Тучков

При его непосредственном участии проводилась в 1921 году работа по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих.

В 1923-1925 гг. им были проведены два церковных собора (всесоюзные съезды церковников), на которых был низложен Патриарх Тихон и вынесено постановление об упразднении монастырей, мощей, а также о лояльном отношении церкви к Соввласти.

На протяжении ряда лет тов. Тучковым проводилась серьезная работа по расколу заграничной православной русской церкви.

Блестяще проведена работа по срыву объявленного папой Римским в 1930 году крестового похода против СССР.

Благодаря энергичной работе тов. Тучкова была раскрыта и ликвидирована в конце 1930 и 1931 г. Всесоюзная контрреволюционная монархическая организация церковников «Истинно-православная церковь», опиравшаяся в своей антисоветской деятельности на черносотенно-клерикальные круги. Организация имела множество своих филиалов – 300 повстанческих ячеек, огнестрельное и холодное оружие.

Состоящий во главе этой организации церковно-политический центр, возглавлявшийся профессором Лосевым, Новоселовым, епископом Иосифом и др., ставил своей задачей объединение под флагом церкви всех контрреволюционных сил для свержения Советской власти и реставрацию монархии.

Целый ряд филиалов, как, например, филиалы на Северном Кавказе, в Ц(ентральных) Ч(ерноземных) О(бластях), Никольском районе Северного Края и др. – превратились в ряд контрреволюционных выступлений под лозунгами: борьбы с коллективизацией, ликвидацией кулачества и т.д.

Ликвидированная в 1929 году на Северном Кавказе повстанческая организация так называемых «имяславцев», работала под руководством церковно-политического центра «Истинно-православная церковь».

Под руководством тов. Тучкова за последние 2-3 года было ликвидировано несколько сотен крупных антисоветских организаций и группировок церковников повстанческого и террористического характера.

В деле борьбы с контрреволюционным движением среди церковников и клерикально-монархических кругов, группирующихся вокруг церкви, Тучков проявил огромную энергию, инициативу, решительность и находчивость» (Журнал "Новое время". М., 1993. №46, с.43.).

В октябре 1931 года Тучков был награжден орденом Трудового Красного Знамени. С 1931 по 1933 год Тучков занимал должность полномочного представителя ОГПУ по Уралу. С 1933 года он стал заместителем особоуполномоченного города Москвы. В это время он по-прежнему руководил уничтожением Церкви. К 1939 году богоборческое государство работу по уничтожению Церкви посчитало в основном законченной. На свободе почти не осталось православных епископов и священников. Осенью 1939 года Тучков был уволен из органов НКВД с формулировкой: «за невозможностью дальнейшего использования». Вся его жизнь и деятельность были связаны с уничтожением Церкви, с гонением на православие, многолетне они с Емельяном Ярославским заседали в одних и тех же комиссиях, и Тучков пошел лектором в Центральный союз воинствующих безбожников. В 1941 году он занял пост ответственного секретаря Центрального совета союза воинствующих безбожников. С этой должности он ушел в 1947 году на пенсию. Умер в Москве в 1957 году.

¹² «Следователь: Какой разговор был у вас с епископами Прокопием, Парфением и Пахомием в комнате архимандрита Поликарпа после обеда 30/VIII по ст. ст.?

Митрополит Петр: Был разговор, но о чем – не помню.

Следователь: Не приходилось ли вам при этой беседе говорить с этими епископами о митрополите Михаиле?

Митрополит Петр: Была ли речь о митрополите Михаиле в какой форме – истинно не помню... Вообще же мне на эту тему приходилось говорить, во-первых, с делегациями от украинских церковников, указывающих мне то, что у них нет своего церковного центра; во-вторых, приходилось мне говорить с некоторыми старейшими епископами, как-то: с Пахомием, Прокопием и другими. В результате всего этого после возвращения Михаила в Москву я написал и послал Михаилу в Москву свое подтверждение о продлении возложенных на него патриархом обязанностей украинского экзарха и управляющего Киевской митрополией.

Следователь: Задавал ли вам кто-нибудь вопросы о том, что не смещен еще с Киевской митрополичьей кафедры заведомый враг соввласти Киевский митрополит Антоний Храповицкий?

Митрополит Петр: Никто таких вопросов мне никогда не задавал.

Следователь: А не задавал ли вам такого вопроса приблизительно месяц назад в вашей квартире епископ Тихон Шарапов при докладе вам о польских церковных делах?

Митрополит Петр: Не помню.

Следователь: Есть ли архиереи в вашем подчинении, находящиеся в СССР, имеющие звание Киевского митрополита?

Митрополит Петр: Нет.

Следователь: Существует ли вообще звание Киевского митрополита?

Митрополит Петр: Такой сан существует.

Следователь: Кто же был выбран Киевским митрополитом?

Митрополит Петр: Насколько я помню, таким состоял Антоний Храповицкий, и насколько я помню, он был выбран духовенством и мирянами Киевской епархии.

Следователь: Смещался ли он кем?

Митрополит Петр: Я считаю его не состоящим Киевским митрополитом.

Следователь: Я ставлю вопрос так: единолично его кто-нибудь смещал?

Митрополит Петр: Я этого не знаю, я его не смещал и поэтому его таким и не считаю.

Следователь: Смещался ли он вами?

Митрополит Петр: Нет. На это я не имею право.

Следователь: Минуточку, минуточку.

Митрополит Петр: Надо же пояснить, на это имеет право Украинский Собор.

Следователь: Все ли его считают не смещенным митрополитом?

Митрополит Петр: А почему я знаю.

Следователь: А как по-вашему?

Митрополит Петр: Я не знаю. Для того, чтобы сместить, нужен Собор, и в силу создавшегося положения вещей, я лично не считаю его митрополитом Киевским.

Следователь: Для того, чтобы назначить или устранить, нужен юридический акт. Был ли такой акт?

Митрополит Петр: Нет, такого акта не было, я не помню.

Следователь: Можете ли вы считать лишенным его звания юридически?

Митрополит Петр: Я могу считать его смещенным в силу создавшихся обстоятельств.

Следователь: Можете ли вы считать его смещенным и лишенным сана, когда акта не было, ведь его не было?

Митрополит Петр: Не было, кроме того, его можно считать смещенным как врага советской власти, и он сам себя сместил по положению вещей: во-первых, уехал из епархии и находился в отсутствии семь лет.

Следователь: Почему же вы считаете его контрреволюционером?

Митрополит Петр: По его контрреволюционным поступкам.

Следователь: Какие же это поступки?

Митрополит Петр: Вам лучше знать.

Следователь: А все-таки?

Митрополит Петр: Со слов Евгения Александровича.

Следователь: Почему же вы все-таки считаете его контрреволюционером, я вас спрашиваю?

Митрополит Петр: По тем поступкам, о которых мне сообщил Евгений Александрович.

Следователь: Значит, только на основании той информации, которую вы получили от Евгения Александровича?

Митрополит Петр: А то как же, ведь заграничных газет я не читаю.

Следователь: Значит, вы говорите, с одной стороны, что он формально не смещен, что акта никакого не было, вы никаких распоряжений не давали?

Митрополит Петр: Он назначен законным путем, когда еще и Украины не было.

Следователь: Вы говорите, что такого звания архиерея у нас нет?

Митрополит Петр: Звания Киевского митрополита — да, так.

Следователь: Почему же вы не назначаете нового Киевского митрополита вместо Антония, вы уже ответили нам, что Киевского митрополита надо выбирать, а для этого старого надо устранить?

Митрополит Петр: Нет, зачем же, выбирать.

Следователь: Вы как будто софистику проповедуете.

Митрополит Петр: Да, на выборах они и решат, кого выбрать.

Следователь: Извините, пожалуйста, мы должны соблюдать логику, надо звание выбирать на месте.

Митрополит Петр: А, может быть, они его выберут, а если выберут другого, то, значит, он отходит.

Следователь: Значит, вы говорите, что это место сейчас не замещено?

Митрополит Петр: Как же, оно свободно.

Следователь: Как же оно свободно, ведь вы же ссылались на положение вещей, ведь он устранен, а где об этом юридический акт, вы это подтвердили?

Митрополит Петр: Мне это было не нужно, тогда был патриарх, а ему подтверждать это было не нужно.

Следователь: Почему это не нужно?

Митрополит Петр: Потому, что патриарх имел с ним дело, и потому, что при патриархе этот вопрос стоял.

Следователь: А при вас не стоял?

Митрополит Петр: При мне – нет.

Следователь: А как же вы назначали Киевского митрополита?

Митрополит Петр: Я подтвердил то, что было.

Следователь: Да ведь кого вы подтверждали, о чем патриарх писал?

Митрополит Петр: Но этот же вопрос перед патриархом стоял, и передо мной стоял тоже.

Следователь: Так вот, вы назначаете управляющего, ведь так стоял вопрос о митрополите?

Митрополит Петр: Туда назначен Михаил экзархом Украины и временно управляющим.

Следователь: Значит, он митрополит?

Митрополит Петр: Это должен решить собор, а я назначать митрополита Киевского не компетентен, эта компетенция Собора Украинского.

Следователь: Значит, выходит, что Собор Украинский мог опять его назначить?

Митрополит Петр: Это их дело, он может его назначить.

Следователь: Имеет ли Собор юридическое право его оставить?

Митрополит Петр: Не знаю.

Следователь: А все-таки представьте себе.

Митрополит Петр: Почему же я знаю, я хотел сказать, что дело Украинского Собора или его оставить, или его сместить и назначить нового.

Следователь: Значит, вы сейчас говорите, что эта должность свободная, и в это же время вы должны знать, что на это должна быть воля Собора, как вы могли туда кого-нибудь назначить?

Митрополит Петр: Я туда и никого не назначал, кроме как временно исправляющего должность.

Следователь: Значит, основным митрополитом считается Антоний Храповицкий?

Митрополит Петр: Я не знаю.

Следователь: Значит, вы говорите, что Украинский Собор может его сместить, значит, может и его подтвердить?

Митрополит Петр: Я не знаю.

Следователь: А как с вашей точки зрения?

Митрополит Петр: С моей точки зрения, не может.

Следователь: Это с фактической, а с юридической, представьте, что он опять его изберет.

Митрополит Петр: Не думаю, чтобы он стал его избирать.

Следователь: Ведь он может выбрать любого кандидата. Что бы вы сделали, если этот Собор постановил снова назначить Антония Киевским митрополитом?

Митрополит Петр: Я бы не утвердил.

Следователь: А он имеет это право сделать?

Митрополит Петр: Не знаю.

Следователь: Дайте мне протокол Михаила. Вот как показывает экзарх Киевский, или он лжет?

Митрополит Петр: Может быть, да нет, зачем же.

Тов. Тучков читает выписку из показания митрополита Михаила.

(Я назначен был Киевским митрополитом Патриархом Тихоном и Высшим Церковным Советом в 1921 году; это совпало с непризнанием Патриархом Карловацкого собора, о чем он мне, несколько месяцев спустя, переслал мне письмо... после моего избрания. В 1922 году состоялось на Украине совещание церковников, в числе около 7 епископов, в том числе и меня, а всего около 70 человек. На этом совещании было вынесено пожелание, чтобы митрополита Антония Храповицкого, митрополита Киевского, считать устраненным от управления и звания митрополита Киевского. Однако Патриарх Тихон в том же, а может быть в 1923 или в 1924 году аннулировал это постановление, прислав соответствующий акт, на имя Полтавского епископа Григория в ответ на его запрос; что Киевская митрополия остается за Антонием, видно из того, что Патриарх в этом документе заявил о непризнании им всех вынесенных на упомянутом совещании пожеланий.

Таким образом я не мог быть Киевским митрополитом, или, вернее говоря, носить титул «митрополита Киевского и Галицкого», титул, который, следовательно, остается за Антонием Храповицким).

Следователь: Ну об этом мы потом поговорим, из этого видно, что вы здесь изложили свою точку зрения на Антония Храповицкого.

Митрополит Петр: В этом акте я написал следующее.

Следователь: Мы это читали и без вас.

Митрополит Петр: Я не имел в виду Антония Храповицкого, а имел в виду только то, что было сделано патриархом.

Следователь: Значит, он лжет.

Митрополит Петр: Нет, зачем же лжет, он просто неправильно толкует.

Следователь: Значит, он не лжет, но и толкует, и неправильно.

Митрополит Петр: Ну да, можно и не лгать и быть неправильным.

Следователь: Однако он с головой. В каком акте выразилось, что Антоний контрреволюционер?

Митрополит Петр: Я считал, что он сам себя устранил.

Следователь: А вы его устраняли?

Митрополит Петр: Этого я не имею права без Собора.

Следователь: Значит, вы его не устраняли?

Митрополит Петр: Нет, я не устранял, что правда, то правда, я не считаю его митрополитом в силу его положения, в силу его отношения к Киевской митрополии и в силу окружающих его обстоятельств.

Следователь: Подтвердили ли вы свою точку зрения, как глава церкви, и в каких это актах отразилось, это вопрос в лоб?

Митрополит Петр: Я один не полномочен и со дня на день ожидал Синода, до сих пор эту точку зрения я не подтвердил, и до сих пор я ничего в этом направлении не предпринимал и никаких актов не давал.

Следователь: Да, это правильно.

Митрополит Петр: Так как я считал себя не компетентным в решении этого вопроса, и я имел в виду поставить его на очереди на Синоде.

Следователь: Ну, это очередь большая, вот, смотрите, теперь у Госспирта очереди конца нет. Вы говорите, что это ваше личное мнение?

Митрополит Петр: Какое?

Следователь: Что он митрополит.

Митрополит Петр: Да, мое. Он митрополит, но только не Киевский.

Следователь: И вы собирались это мнение претворить в жизнь перед Синодом?

Митрополит Петр: Собирался.

Следователь: Вы говорили в порядке частной информации между епископами, что он не митрополит Киевский, ваше личное мнение?

Митрополит Петр: Не помню, может быть, говорил, а, может быть, и нет. Я этого не помню.

Следователь: А когда Синод будет?

Митрополит Петр: Да ведь обещал Евгений Александрович.

Следователь: Значит, вы не помните, делились ли вы своим мнением с епископами, следовательно, вы этому вопросу значение не придавали?

Митрополит Петр: Нет.

Следователь: Были ли за ваше время прецеденты смещения и увольнения с кафедр?

Митрополит Петр: Смещений не было, но назначения были викарных, а епархиального – ни одного. Да, не было.

Следователь: Не назначали, значит.

Митрополит Петр: Не назначал.

Следователь: А припомните-ка.

Митрополит Петр: Позвольте, может быть, временно поручал одному, другому, третьему. Укажите мне, на что вы думаете.

Следователь: Как прикажете считать прецедент назначения митрополита Петра Крутицким?

Митрополит Петр: Это патриарх, это его воля.

Следователь: Значит, прецеденты назначения в церковной жизни были, а были ли прецеденты в назначении митрополитов?

Митрополит Петр: Нет, митрополитов не было, а были возведения, а митрополита мне дали, как выслугу.

Следователь: Были ли прецеденты назначения епархиальных архиереев или митрополитов единоличной властью без выборов?

Митрополит Петр: Вы этого не смешивайте, там митрополит Украины.

Следователь: Выходит, митрополит – это звание, а управлять – это отдельная статья, мы говорим про звание митрополита Киевского.

Митрополит Петр: Епархиальный архиерей был назначен не епархиально.

Следователь: Было, значит, так-то, покорный слуга.

Митрополит Петр: Я был не митрополит, я был епископ, а потом дали как выслугу.

Следователь: Но вы пять лет не прослужили. Но все-таки вам сан дали.

Митрополит Петр: Первый был Серафим, когда ему дали.

Следователь: Теперь мы запишем такой ответ, что да, прецеденты в даче митрополичьих санов единоличной властью были епархиальным архиереям, это весьма существенно.

Митрополит Петр: Притом, за выслугу лет.

Следователь: Вот насчет лет у вас выходит нескладно.

Митрополит Петр: А раньше, что я делал? К примеру, я митрополит Петр Крутицкий, потом Серафим Тверской и Тихон Уральский.

Следователь: Да позвольте, значит, вы меня не хотите понять?

Митрополит Петр: Да как же там особое положение.

Следователь: Извините, вы нам очки не втирайте.

Митрополит Петр: Вы возьмите положение 17-го года, значит, вы не знаете, раз говорите?

Следователь: Вот ваш коллега говорит об этом по-другому. Теперь вот какой вопрос, почему же так получается, если были единоличные назначения, почему же нельзя устранить единолично Антония Храповицкого и назначить на его место другого, не дожидаясь Собора, которого, кроме того, вы сами считаете заведомым контрреволюционером, дайте нам такой ответ?

Митрополит Петр: Во-первых, потому, что эти митрополиты являются лишь только управляющими одной епархии, данной ему, и эти епархии давались не по должности сана митрополита, а по выслуге, как награда, и сан митрополита давался как награда. Что же касается Украины, то он является митрополитом Украины, целой автономной области.

Следователь: Позвольте, значит, он митрополит Киевский и всей Украины? Разрешите мне повторить ваши же слова, когда вы выбирали Киевского митрополита, тогда Украины не было, а потом на Соборе он был признан Украинским, на Соборе 17-го года.

Митрополит Петр: Да, и тогда ему присвоили две панагии. А затем возник вопрос об автономии Украины на Соборе 17-го года, и вот когда Украине дали автономию, тогда митрополит Киевский получил уже новые привилегии, и там же, на Соборе, его подтвердили.

Следователь: Украина подчинена вам?

Митрополит Петр: Она автономная область.

Следователь: Подчинена ли она патриарху всея Руси?

Митрополит Петр: Она управляется сама, ему только представляют акт на благословение.

Следователь: Значит, он сидит на входящем и исходящем. Выходит так, что патриарх всея Руси, но только не Украины, значит, все-таки она подчиняется патриарху всея Руси?

Митрополит Петр: Как каждая автономия – постольку-поскольку.

Следователь: Если украинская церковь сделает канонически неправильный поступок, патриарх имеет право наложить свою руку?

Митрополит Петр: Они сами накладывают.

Следователь: С Иоанникийем /Епископ Иоанникий (Соколовский) – в 1921 году хиротонисан во епископа Бахмутского. С декабря 1924 года по март 1925 года значится епископом Омским. Был одним из основателей Лубенского раскола, затем уклонился в григорианский раскол. Лишен сана. (Митрополит Мануил Лемешевский "Русские православные иерархи". Часть III. 1966. Рукопись.)/ что вы сделали?

Митрополит Петр: Запретил ему служить, он уволен.

Следователь: Вы подтвердили этот акт, как же он служит?

Митрополит Петр: Он частный епископ. Прежде всего на Украину он был послан экзархом, потом он был переведен в Омск, и он этому не подчинился, и патриархом он был уволен с должности экзарха.

Следователь: Имеет ли право патриарх всея Руси распространять свое влияние на Украину? Вы уже сказали нет, а теперь говорите, что святейший патриарх Тихон назначил экзарха Украины.

Митрополит Петр: И я назначил Михаила, различайте моменты, при митрополите Киевском экзархе Украины должен быть Синод, этот Синод имеет автономию, все дела, назначения, определения, увольнения также, а к патриарху идет только к сведению на благословение.

Следователь: Мы говорим не о нормальном положении, а говорим о теперешней обстановке и отвлеченными вещами мы не занимаемся, это все ведется в связи к предыдущему вопросу. Почему вы считаете Антония контрреволюционером, а сами назначаете его экзархом? Вы мне скажите, вы утверждаете, что без Украинского Собора не можете сместить Антония?

Митрополит Петр: Не его, а митрополита Киевского.

Следователь: А вот на Тихона Шарапова митрополит Петр мог высказать свое суждение по тем вопросам, которые были бы обязательны?

Митрополит Петр: По этому вопросу я вам все писал.

Следователь: Почему бы вам так не сделать, мы тоже кое-что понимаем? Вы продолжаете утверждать, что могли сместить Антония только с ведома Собора или Синода?

Митрополит Петр: Ну, не мог сместить Антония Храповицкого, это моя точка зрения, к тому же которого не считал митрополитом Киевским, да, считал я так.

Следователь: Нам известно, что единоличной властью был смещен и было запрещено священнослужение бывшему временно исполняющему должность экзарха Украины епископу Иоанникию. Чем же вы объясняете такие разноречивые толкования?

Митрополит Петр: А тем, что, во-первых, я не увольнял этого Иоанникия, а уволил его патриарх, я не патриарх и этого не мог сделать.

Следователь: Вы признаете, что он был уволен единоличной властью патриарха?

Митрополит Петр: Да, а потом он был послан патриархом, как временный заместитель.

Следователь: Это не важно.

Митрополит Петр: Тут надо разбирать моменты.

Следователь: Разберемся. Что такое экзарх?

Митрополит Петр: Экзарх — это митрополит, которого посылают туда, где нет митрополита, где церковь вдовствует, да, я признаю, что он был уволен патриархом единолично, а мною было подтверждено запрещение священнослужения.

Следователь: Почему же вы тогда не можете смещать Антония Храповицкого?

Митрополит Петр: Потому что экзарх есть лицо временное.

Следователь: Вы запретили ему священнослужение, как митрополиту, у них разница только в чинах, почему же, коль скоро у них один титул, одному можно запретить, а другому нет?

Митрополит Петр: Потому что один нам подчинен, а другой — нет.

Следователь: Почему же не можете запретить Антонию?

Митрополит Петр: Потому что я себя не считаю компетентным, истинно не считаю компетентным.

Следователь: Почему же считается компетентным запретить Иоанникию?

Митрополит Петр: Да нужно же разбирать, Иоанникию запретил патриарх.

Следователь: Нет, вы запретили.

Митрополит Петр: Я подтвердил, потому что экзарх есть мой чиновник особых поручений, экзарх — мой посланник.

Следователь: Почему же вы одному могли, а другим нет?

Митрополит Петр: Я не знаю почему, потому что с ним оперировал патриарх.

Следователь: Здорово, что вы нам такое говорите, оперировал патриарх. (Смех). Вы говорите, по политическим мотивам вы не можете устранять.

Митрополит Петр: Я хотел только сказать, что он нарушил церковные каноны. За Антонием никаких церковных преступлений нет, а за политические преступления мы не можем его устранить. Иоанникий нарушил церковные каноны, а этот не нарушал канон: от патриарха не отказался и на нем церковных преступлений нет.

Следователь: В чем же разница?

Митрополит Петр: Разница вот в чем: Иоанникию запретили не по политическим мотивам, а по церковным, и я подтверждаю, что мною подтверждено запрещение Иоанникию по той причине, что он нарушил волю почившего патриарха по церковной линии.

Следователь: Теперь мы ищем разницу, раз факт один и тот же, почему же в одном случае была могога, а в другом — недомогание, и теперь, кажется, мы нашли разницу: в одном случае вы Иоанникию запретили священнослужение, потому что он нарушил ряд канон, раз нарушил волю патриарха, то, значит, и нарушил каноны. Храповицкий же этих канон не нарушил, а за политические преступления вы судить не можете.

Митрополит Петр: Нет, могли бы, а перед кем я буду судить, дайте мне Синод, а то что же я один, и потом его сюда надо требовать.

Следователь: Значит, его нужно сюда потребовать, так, что же касается Антония, то за ним церковных нарушений нет?

Митрополит Петр: Я не знаю за ним церковных нарушений, за политические преступления его надо судить.

Следователь: Может ли церковь судить или нет за политические преступления?

Митрополит Петр: Может, постольку-поскольку, я бы судил не за политические преступления, а постольку-поскольку своей политикой он делает зло для церкви.

Следователь: Я вас спрашиваю, можете вы судить или нет?

Митрополит Петр: Раз он приносит своей политикой громадный ущерб церкви, то его можно судить. Я должен передать этот вопрос Синоду.

Следователь: А лично вы не можете?

Митрополит Петр: Я лично не компетентен, и должен судить Синод, на обсуждение которого я бы и передал свое мнение. Вы мне хотите навязать свое личное мнение. Дайте мне самому говорить.

Следователь: Пожалуйста.

Митрополит Петр: Я говорю, что за политические преступления его должен судить Синод, которому я выскажу свое личное мнение.

Следователь: В чем же выражаются его политические преступления?

Митрополит Петр: Потому что его деятельность плачевно отражается на состоянии нашей церкви.

Следователь: Значит, вы признаете, что своей политикой он приносит вред православной церкви?

Митрополит Петр: Безусловно.

Следователь: Почему же вы не посоветовались ни с одним епископом по этому делу?

Митрополит Петр: Я ждал Синода. Потому, что всякий другой мне подчинен, а этот нет.

Следователь: В каком акте или заявлении вы указывали, что Антоний именно такой человек?

Митрополит Петр: Я с вами говорил много раз об этом.

Следователь: А был ли какой-нибудь церковный акт?

Митрополит Петр: Как же я мог лично это делать?

Следователь: Ведь вы только что сказали, что вы могли дать акт.

Митрополит Петр: Да, ведь Иоанникий мой посланник, он просто епископ, не подчинившийся канонам.

Следователь: А этот, поскольку он вредит церкви, значит, он нарушает вашу волю?

Митрополит Петр: Конечно, нарушает.

Следователь: Что же вы его не сместите?

Митрополит Петр: Потому что он автономный.

Следователь: Да ведь они оба с Украины.

Митрополит Петр: Оба с Украины, но один – мой посланник, а другой – нет, и со вторым должен считаться Собор.

Следователь: Как же так получается?

Митрополит Петр: Церковные каноны очень тонкие, и в них надо разбираться.

Следователь: Что вы мне морочите голову, я не хуже вас знаю, здесь не канон, а голый факт, и вот вы мне скажите, если имеются два епископа, нарушивших каноны, одного вы можете сместить, а другого почему-то не можете.

Митрополит Петр: Дело в том, что тот начальник всей Украины, а другой мой посланник, это мой доверенный, и я запретил ему, потому что он не оправдал звания епископа.

Следователь: Мы не говорим об исправляющих должность, мы пока говорим о сане, почему же такое, оба епископа и почему к ним разное отношение?

Митрополит Петр: Да и Синод затруднился бы в этом случае.

Следователь: Чего там Синод, вы про себя скажите, почему вы единолично одному епископу запретили священнослужение, а другому нет?

Митрополит Петр: Потому что один – выборный, а другой – назначенный, потому что один послан мною, и я имел это право сделать без Украинского Синода, там его нет, и я послал Иоанникия, чтобы он организовал Синод и управлял им, это есть в положении 17-го года.

Следователь: Если вы говорите, что лишение сана митрополита Храповицкого не входит в вашу компетенцию, то почему же точно такому же епископу вами единолично запрещено священнослужение? Вы только, пожалуйста, не путайте, а то вы запутались, словно ребенок, вы

нам лучше дайте правильный ответ, который я вам подскажу из ваших же слов. Значит, вы говорите так: «Я запретил Иоанникию за то, что тот нарушил каноны, в той степени, в какой я мог запретить. Антоний же Храповицкий канонов не нарушил, и, с точки зрения церкви, за ним преступлений нет».

Митрополит Петр: Я так и хотел сказать.

Следователь: Хотел-то хотел, а все путаете.

Митрополит Петр: Иоанникию было запрещено священнослужение за нарушение церковных канонов, таких нарушений за Храповицким Антонием не числится, политические же преступления не входят в компетенцию церкви, за это он и подлежит наказанию.

Следователь: Да, мы уже об этом говорили.

Митрополит Петр: Вы знаете, я совсем больной.

Следователь: Что же такое с вами?

Митрополит Петр: Да ведь видите, как я говорю? Горло болит, нервное, наверно, доктора мне хотели прислать – нужно бы горлового.

Следователь: Старших надо слушаться.

Митрополит Петр: Я и слушаюсь.

Следователь: Какое же показание нужно считать правильным, исчерпывающим, ибо, так сказать, в отношении Антония Храповицкого имеются противоречия?

Митрополит Петр: Да никаких, собственно, противоречий нет.

Следователь: А, по-моему, много, я что-то не понимаю, то, с одной стороны, можно, то нельзя.

Митрополит Петр: У меня уже голова закружилась.

Следователь: С одной стороны, церковь может судить, с другой – нет, как же понимать эту возможность и невозможность?

Митрополит Петр: Судить не могу и, наконец, еще раз повторяю, что судить Антония Храповицкого не можем, я и церковь не можем. Да, конечно, так.

Следователь: Храповицкий единица, а таких единиц много, тогда, значит, церковь вообще не может судить за политические преступления и других епископов, или у вас принимаются во внимание разные степени преступления?

Митрополит Петр: Принимаются.

Следователь: Ну, с Антонием мы пока покончили.

Митрополит Петр: Только пока?

Следователь: Ну, да еще будет.

Митрополит Петр: А ну его, я с ним никаких сношений не имею. Я назначил исправляющим должность Киевского митрополита Михаила.

Следователь: А вы имели в виду митрополита Антония?

Митрополит Петр: Я имел в виду, что место свободно, я Антония не считал митрополитом Киевским, истинно не считал.

Следователь: Начнем сначала. Митрополит Киевский Антоний был выбран, но был смещен, за политические преступления судить нельзя, потому что церковных преступлений он не сделал. И получается так, что митрополит Киевский Антоний вовсе не Киевский.

Митрополит Петр: Восемь лет он уже бежал оттуда.

Следователь: А вы его пригласили?

Митрополит Петр: Да мне политическая обстановка не позволяет его таким считать.

Следователь: Не забывайте, что здесь дело серьезное и что вы здесь, так сказать, пропадете совсем, как муха, вы понимаете меня, я говорю пропадете не в том смысле, что вы пропадете в тюрьме, а вы попадаете под удары показаний архиереев.

Митрополит Петр: Знаю, знаю.

Следователь: Скажите, пожалуйста, как вы излагали свое завещание, с кем вы посоветовались по случаю ареста?

Митрополит Петр: Ни с кем, я сам с собой писал.

Следователь: Что вы там написали?

Митрополит Петр: Я поручал в случае ареста или невозможности каких-либо обстоятельств Сергию Нижегородскому.

Следователь: А кому дали указания на руки?

Митрополит Петр: Никому лично не давал. Сергию, а если нельзя, то Михаилу.

Следователь: А почему вы думаете Сергию нельзя?

Митрополит Петр: Может быть, из-за не проезда.

Следователь: А кому вы все-таки передали?

Митрополит Петр: А зачем вам это нужно знать?

Следователь: А, может быть, мы уже знаем.

Митрополит Петр: Я передал своему брату.

Следователь: Правильно. А как же насчет второго?

Митрополит Петр: Я просил передать благочинному Ивану Гавриловичу и Величкину.

Следователь: Величкин – это профессор?

Митрополит Петр: Да нет, тоже священник.

Следователь: Что в последнем было сказано?

Митрополит Петр: Я написал там, что, в случае невозможности отправлять обязанности патриаршего местоблюстителя, поручаю это Сергию, а если ему не представится, то Михаилу или Иосифу Ростовскому, вот и все. Это были три человека, а епархию Московскую – викарным, всем четверем.

Следователь: А еще там насчет чего было, и когда вы это написали, 5 октября?

Митрополит Петр: Нет, 21 июля, хорошо не помню, кажется, так, я писал несколько раз.

Следователь: Мы насчет последнего.

Митрополит Петр: Это было написано после отпуска.

Следователь: А как вы их вручили?

Митрополит Петр: Я их просто отдал брату и больше ничего.

Следователь: А брат должен был разнести?

Митрополит Петр: Да. Только вы, пожалуйста, его не арестовывайте, он просто исполнял мою волю, и ничего худого здесь нет.

Следователь: Значит, повторите, что вы нам можете сказать по поводу данного вами завещания о невозможности отправления обязанностей патриаршего местоблюстителя, что вы можете сказать о ваших преемниках на случай такой невозможности.

Митрополит Петр: Первое я написал, я не помню, в июне, а, может быть, даже и в мае, одним словом, – в летние месяцы, я последовательно назначал своими заместителями митрополита Сергия Нижегородского, епископа Николая Добронравова, потом его посадили, и я должен был изменить, потом явился Михаил и последний – Иосиф Ростовский.

Следователь: А что, это светлая личность?

Митрополит Петр: Я не знаю. Нужно же было назначать кого-нибудь. Второе завещание написано после 5 декабря, и там я назначал, кроме Сергия, митрополита Михаила и Иосифа Ростовского.

Следователь: Кому вы дали?

Митрополит Петр: Только брату, ему велено было разослать. Было написано два экземпляра, один экземпляр я дал брату.

Следователь: У вашего брата чин низкий?

Митрополит Петр: Да, он иерей. Я просил его в присутствии трех лиц вскрыть акт и направить по принадлежности. Пакеты были запечатаны в присутствии Ивана Гавриловича Соколова и Величкина, они оба благочинные».

При допросе велась полная стенограмма, которую мы привели выше. Владыка держался так, чтобы не дать ни себя запутать, ни других. В допросах принимали участие несколько следователей и Тучков. Все они старались сразу же ошеломить владыку своим напором и каверзными вопросами. Здравый рассудок отторгал их. Трудно было найти, что ответить, разве только молчать. И владыка, вернувшись после допроса в камеру и, припомнив, как следователи цеплялись буквально за каждое слово, остался недоволен своими ответами и написал Тучкову: «При допросе первом я находился в состоянии нервного психоза, как предположительно высказался осматривавший меня врач... Смутно представляю свои ответы на поставленные вопросы, а некоторые совсем не помню. Прошу этому протоколу не придавать значения...»

На последующих допросах владыка держался еще осторожнее, взвешивая и обдумывая каждое слово, отвечая однозначно или никак не отвечая. На допросе 18 декабря следователь спросил Местоблюстителя:

«А возможно ли признание церковью справедливости социальной революции?»

Нет, невозможно, – ответил владыка. – Социальная революция строится на крови и братоубийстве, чего церковь признать не может. Лишь война еще может быть благословлена церковью, поскольку в ней защищается отечество от иноплеменников и православная вера».

После нескольких допросов, где следователи, казалось, и не желали выяснять правды, без конца задавая все одни и те же вопросы, Местоблюститель решил объясниться по существу своей позиции:

«Начальнику 6-го отд. ОГПУ Евгению Александровичу Тучкову

Русская церковная история едва ли знает такое исключительно трудное время для управления Церковью, как время в годы настоящей революции. Тот, кому это управление поручено, становится в тяжелое положение между верующими (по всей вероятности, с различными политическими оттенками), духовенством (также неодинакового настроения) и Властью. С одной стороны, приходится выдерживать натиск народа и стараться не поколебать его доверия к себе, а с другой – необходимо не выйти из повиновения Власти и не нарушить своих отношений с нею. В таком положении находился Патриарх Тихон, в таком же положении очутился и я в качестве Патриаршего Местоблюстителя. Я отнюдь не хочу сказать, чтобы Власть вызывала на какие-либо компромиссы в вопросах веры или касалась церковных устоев, – этого, конечно, не было и быть не может. Но у народа своя точка зрения. Простой, например, факт передачи какого-либо храма обновленцам, от которых он отворачивается с негодованием, истолковывается в смысле вмешательства Власти в дела церковные и даже гонения на Церковь. И, как ни странно, – в этом он готов видеть чуть ли и не нашу вину. Между прочим отмечу, что среди тех же самых вопрошателей замечается и тяготение к Власти, если мимоходом коснешься вопроса о социальной революции и пояснишь, что задача ее – улучшить жизненные условия трудящихся классов. Теперь спрашивается, какая же в данном случае должна быть линия моего поведения? Я решил сблизиться с народом. Этим, конечно, я не имел никакого намерения выразить свое равнодушие к Власти или неповиновение ее распоряжениям. Мне представлялось, раз этого я не допускаю, то, значит, поступаю правильно и гарантирован от каких-либо случайностей. Вот почему я очень редко обращался к Вам с своими заявлениями. Не скрою и другого мотива этих редких обращений, – мотив этот опять-таки кроется в народном сознании. Простите за откровенность, – к человеку, который часто сносится с ГПУ, народ доверия не питает. Наши, например, с митрополитом Серафимом (Александровым. – И.Д.) Тверским при Патриархе Тихоне частые посещения ГПУ истолковывались далеко не в нашу пользу, а митрополита Серафима народная молва прозвала даже «Лубянским митрополитом». И я замечал, что в начале моего управления Церковью многие сторонились меня. Такое явление, конечно, ненормальное. Что же я за глава Церкви, когда паства не со мною; могу ли я тогда быть желательным и для Правительства?! Я и хотел совершенно освободиться от каких-либо нареканий со стороны народа и духовенства. Эта моя осторожность, как вижу, была излишней и привела меня к такому печальному результату.

На мое управление имели значение и некоторые влияния, – их я не старался избегать. Мои собратья-архиереи были неодинакового настроения в церковном отношении, одни были либерального, другие – строго церковного. С мнением последних я считался и их советами пользовался, так как народ относился к ним с большим доверием и даже называл некоторых из них столпами Церкви. Порвать с ними связь я не имел основания, и, кроме того, это значило бы порвать и некоторую духовную связь с народом, что, конечно, для меня было бы очень тяжело. Но их суждения не выходили за пределы церковности. Замечательно, что никто из более либеральных архиереев никогда не высказал даже намек на какое-либо порицание этих строго церковных архиереев и не называл их лицами с какой-либо политической окраской. И в беседе со мной они не касались политики, кроме разве сообщения той или другой новости, почерпнутой из газет или обывательской молвы.

Лиц из светской интеллигенции я почти не знал и сношений с ними не имел, если не считать известного Вам случая обращения к А.Д. Самарину, как бывшему своему обер-прокурору и человеку весьма образованному и в церковной сфере. Правда, доносились пожелания, чтобы я был тверд на своем месте и строго охранял православную веру и церковные порядки. Признаюсь, пожелания эти для меня были небезразличны, я к ним прислушивался и в некоторых случаях руководился ими. Но какого-либо явного и систематического влияния со стороны ли одного или группы лиц я не замечал.

Это мое несложное заявление вполне правильно отображает мою церковную деятельность в СССР. Что же касается зарубежья, то туда лично от меня она не проникала, так как я стоял совершенно в стороне от тамошних обитателей и от них не получал никаких советов и наставлений, кроме единственного письма митрополита Евлогия (Георгиевского. – И.Д.) личного характера. Их контрреволюционную деятельность и вообще антисоветскую пропаганду я всегда осуждал. Эта деятельность слишком тяжело и печально отражается на нашем благополучии и причиняет ненужное беспокойство Правительству. Они должны дать ответ пред судом

церковным, так как нарушают заветы Церкви о том, что последняя аполитична и ни в каком случае не может служить ареной для политической борьбы.

Митрополит Петр Полянский 14 января 1926 года».

Но несмотря на все объяснения владыки и на отсутствие за ним какой бы то ни было вины, 10 апреля 1926 года Местоблюстителю предъявили обвинение в контрреволюционной деятельности. Владыка направил протест – уже не Тучкову, а одному из заместителей начальника ГПУ. Он писал: «Считаю для себя необходимым заявить, что я всемерно протестую против указанного обвинения, так как нет никаких данных для его обоснования. Мои отношения к советской власти всегда были добросовестными и безупречными. К монархической партии я не примыкал и ни с одним человеком из этой партии не имел ни письменных, ни устных сношений. Прошу не милости, а справедливого отношения ко мне, больному старику». 5 ноября 1926 года Местоблюститель был приговорен к трем годам ссылки.

¹³ Чтобы не загромождать жизнеописание Местоблюстителя, мы даем здесь краткий обзор «дела», по которому он был арестован и которое касалось не одного владыки Петра, но и всей Русской Церкви. 11 ноября 1925 года комиссия по проведению декрета об отделении церкви от государства приняла решение ускорить раскол в Церкви. Для ГПУ это означало – арест церковного управления, всех тех, кто мог возглавить Русскую Православную Церковь и кто воспротивился бы проводимой государством антицерковной политике. Список таких лиц был составлен, и ГПУ приготовилось к арестам. 19 ноября были арестованы епископы Гурий (Степанов), Прокопий (Титов) и Иоасаф (Удалов). 20 ноября арестовали епископа Никона (Дегтяренко) – его, впрочем, отпустили, выяснив, что он отрицательно относится к Местоблюстителю. Основные аресты пришлось на 30 ноября. В этот день в Даниловом монастыре были арестованы епископы Парфений (Брянских), Амвросий (Полянский), Дамаскин (Цедрик), Пахомий (Кедров), Тихон (Шарапов), Герман (Ряшенцев), Николай (Добронравов), архимандрит Сретенского монастыря Серафим (Крутень). Были арестованы священники Николай Семеняко, Николай Покровский, Василий Скворцов, Иоанн Скворцов, Константин Скворцов, Сергей Сидоров, диакон Михаил Шик, псаломщик Иоанн Попов, Александр Самарин, бывший одно время до революции обер-прокурором Святейшего Синода, Петр Истомин, бывший помощник обер-прокурора Синода и из церковной интеллигенции – Феодор Челищев, Константин Виноградов, Владимир Токаревский, князь Иоанн Мещерский. Остальных доарестовывали потом. 2 декабря был арестован член церковного совета Сретенского монастыря, человек, близкий к епископу Борису (Рукину). Он показал, будто арестованный ранее псаломщик Иоанн Попов собирался отравить епископа Бориса. ГПУ ухватило за эту версию, усилило допросы, но все оказалось выдумкой. Епископ Борис, однако, не любивший митрополита Петра, стал подтверждать легенду ГПУ – будто Патриарх Тихон писал письмо за границу с благословением на царство Романовым и будто митрополит Петр при этом присутствовал и даже настаивал на посылке такого письма эмигрантам. Чекист Дерibas спросил епископа Бориса – откуда он все это знает, тот стал смутно ссылаться на рассказы об этом митрополита Серафима (Александрова). Митрополит Серафим, однако, этой легенды не подтвердил и при очной ставке с епископом Борисом отверг ее категорически.

Видя, что арестовывают всех значительных и стойких архиереев, Местоблюститель и сам приготовился к аресту. Составил завещание о преемстве первосвятительской власти и позаботился, чтобы оно дошло по назначению. 9 декабря Местоблюститель был арестован.

Следствие длилось до конца мая 1926 года. К этому времени григорианцы определились как отдельная раскольничья группа, митрополит Агафангел отказался от своих прав на местоблюстительство, место заместителя занял митрополит Сергей (Страгородский). 21 мая Особое Собрание при коллегии ОГПУ приговорило: епископов Амвросия (Полянского), Прокопия (Титова), священника Петра Шипкова, псаломщика Иоанна Попова, бывшего товарища обер-прокурора Синода Петра Истомина – к трем годам концлагеря; епископа Тихона (Шарапова) и священника Иоанна Скворцова – к трем годам ссылки в Казахстан; епископов Николая (Добронравова), Дамаскина (Цедрика), Гурия (Степанова), Иоасафа (Удалова), Парфения (Брянских), Пахомия (Кедрова), священников Николая Покровского, Василия Скворцова, Константина Скворцова, бывшего обер-прокурора Синода Александра Самарина, мирян Владимира Токаревского, Кирилла Матвеева, Феодора Челищева – к ссылке в Зырянский край на три года; священника Николая Семеняко – к ссылке в Зырянский край на два года; епископа Германа (Ряшенцева), диакона Михаила Шика и мирян Льва Хреновского, Иоанна Мещерского – к ссылке в Казахстан на два года; мирянина Константина Виноградова – к условной высылке в Зырянский край на два года; бывшего обер-прокурора Синода Владимира Саблера и крупного

дореволюционного дипломата Павла Мансурова – к лишению права проживания в шести крупных городах с их областями.

17 августа 1926 года коллегия ОГПУ постановила: прекратить следствие по обвинению епископа Никона (Дегтяренко), члена церковного совета Сретенского монастыря Владимира Андропова, архимандрита Серафима Крутеня, келейника почившего Патриарха Тихона Константина Пашкевича, митрополита Серафима (Александрова), который был арестован только для того, чтобы ГПУ было удобней провести очную ставку с епископом Борисом (Рукиным).

Из приведенного перечисления имен приговоренных очевидно, что было арестовано все возглавление Русской Православной Церкви, из тех, кто еще оставался тогда на свободе. Были арестованы два бывших обер-прокурора Синода и один товарищ обер-прокурора, то есть люди, имевшие опыт управления и знание церковных канонов и церковного права.

Из всех арестованных только одного Кирилла Матвеева не планировало ГПУ арестовать. Этот двадцатилетний юноша был другом Иоанна Попова, псаломщика храма Бориса и Глеба. Они жили в одной комнате, и 30 ноября, когда сотрудники ГПУ пришли арестовать Попова, Кирилл был дома и присутствовал при аресте. Арест, отказ в свиданиях и полная безвестность о попавшем в застенки ГПУ друге настолько возмутили Кирилла, что 7 декабря он послал в коллегия ОГПУ заявление: «Вы арестовываете гр. Попова И.С. за то только, что он верующий человек и что он является церковнослужителем, так как другой вины... у него по отношению к соввласти нет.

Будучи сам глубоко верующим человеком и, кроме того, человеком, не терпящим несправедливости, я не могу не возмутиться на такое насилие над неповинным человеком, в особенности же со стороны соввласти, которая считает себя олицетворением правды и справедливости, а на деле проявляющей себя так глубоко несправедливой, и считаю долгом выразить Вам по этому поводу свой горячий

ПРОТЕСТ

Я по своему общественному положению – служащий, работающий, несмотря на юный возраст (20 лет), в течение уже шести лет на совслужбе... надеюсь, что Вы найдете мое поручительство достаточным и не заставите ни в чем не повинного человека сидеть совершенно напрасно в тюрьме, где состояние его здоровья грозит привести его к роковому концу».

Ответа не последовало, и 24 марта 1926 года Кирилл послал заявление во ВЦИК – Калининну, копию в ГПУ – Дзержинскому:

«Обращаюсь к Вам как к Председателю Высшего в СССР органа Управления с следующим:

30 ноября был арестован проживающий у меня в комнате мой дальний родственник и хороший друг Иван Сергеевич Попов в числе других лиц, арестованных в эту ночь, по-видимому, судя по составу арестованных, – по церковному делу. До сего времени, несмотря на все предпринятые мною и другими родственниками вышеупомянутых арестованных меры, нам не удалось не только получить свидание, но и узнать даже сущности предъявленного к ним обвинения. Все они содержатся во внутренней тюрьме ОГПУ вот уже 4 месяца, и до сих пор дело не окончено и к концу, по-видимому, судя по справкам ОГПУ, не приближается.

Считаю такое положение вещей совершенно неправильным и в корне недопустимым в особенности в СССР, стране, освободившейся от «рабства и насилия» Царского правительства, где все граждане пользуются полной свободой вероисповедания, совести и т.д.

Гр. Попов И.С., что мне известно из нашего совместного жительства в одной комнате и ввиду нахождения его постоянно у меня на виду, вел жизнь, совершенно отвлеченную от всякой политической деятельности, никогда не принимал участия ни в каких антиправительственных организациях и вообще никогда активно против соввласти не выступал, а потому его арест представляется явлением более чем странным, а, кроме того, содержание под стражей без права свидания, переписки с родственниками и пр. лишениями, которым он подвергается во внутренней тюрьме, на мой взгляд, а равно и по существующим по этому вопросу законам, является совершенно недопустимым так же, как и арест его товарищей по несчастью.

Хотя вообще, по-видимому, в стране Советов дело со словом круто расходятся.

Существует закон, отделяющий совершенно Церковь от государства, – между тем органы власти то и дело притесняют тем или иным способом Церковь – то отбором ценностей, то арестом и содержанием под стражей стоящих во главе Церкви лиц, то поощрением и поддержкой всеми силами происходящих в Церкви расколов и т. д.

Существует закон, что всякое оскорбление религиозного чувства гр. совстраны карается, между тем власти закрывают церкви, устраивают в них клубы, где происходят всякого рода святотатственные действия и т.д., арестовывают ни в чем не повинных людей, принимающих хотя

бы самое маленькое участие в церковных делах – жертвою чего, по-видимому, и явился мой несчастный сожитель и его товарищи по несчастью.

По-видимому, у нашего правительства и у лиц, стоящих во главе его, очень сильно развита вера, а, главное, страх к «несуществующему» Богу, т. к. они так усердно и так усиленно стараются искоренить веру в НЕГО у граждан земли РУССКОЙ, не жалея и не пренебрегая для того средствами, вплоть до арестов невинных людей и неповинных архипастырей Русской Церкви и содержания их в тюрьмах целыми месяцами без суда.

Но пусть не надеются они понапрасну. Слишком крепка в русском человеке вера в Бога, и ее никогда и никому искоренить не удастся.

Никогда не угаснет вера в России, а, наоборот, настанет момент, и он не за горами, когда она сильнее чем когда-либо вспыхнет и осяет Россию. И горе тогда угнетателям веры в ней. Пусть лучше не стараются они ее заглушить, т.к., чем сильнее действие – тем сильнее и противодействие, и чем сильнее будут притеснения, тем скорее настанет тот взрыв христианской веры и сотрет с лица земли ее угнетателей и врагов.

Опомнитесь товарищи, стоящие во главе власти, измените Ваше отношение к Церкви, прекратите поработать православных христиан, перестаньте вести атеистическую пропаганду, освободите всех невинно заточенных и сосланных Вами мирян и архипастырей, и тем самым (слово неразборчиво. – И. Д.) мирного разряжения очень сгустившейся в стране атмосферы.

Жду Вашего ответа, товарищ Калинин, надеюсь, что Вы примете меры к разбору указанного выше дела (арестованных 30/XI-25) и освободите из-под ареста хотя бы этих ни в чем не повинных, страдающих за веру людей».

На последнем заявлении Тучков поставил свою резолюцию: «Этого типа необходимо арестовать».

Кирилла арестовали через несколько дней, обвинив в «посылке угрожающих писем представителям власти, с требованием освобождения арестованных».

В 1956 году он обратился с жалобой в прокуратуру, требуя реабилитации, но ему в ней отказали, так как власти по-прежнему смотрели на его письма 1925 года как на преступление.

¹⁴ Участвовали: Ярославский, Путинцев, Дерибас, Тучков.

¹⁵ ЦПА. Ф. 4, оп. 2, ед. хр. 353, л. 9, 10.

¹⁶ В это время митрополит Сергей начал хлопоты по легализации церковного управления. Власти на местах регистрировали приходы, но отказывались регистрировать епархиальные управления, и все управление Русской Православной Церкви оказывалось нелегальным. Получив разрешение на регистрацию епархиальных управлений, можно было начать готовиться к созыву Поместного Собора для выборов Патриарха. Для решения текущих вопросов нужно было добиться разрешения от властей на созыв архиерейских собраний, хотя бы из пятнадцати архиереев. Если такие собрания устраивать без разрешения, власти неизменно будут трактовать их как нелегальные и арестовывать участников, такие случаи уже бывали. 10 июня митрополит Сергей подал заявление в НКВД с просьбой о регистрации. Как условие регистрации власти неизменно требовали декларацию, в которой оговаривались бы отношения с властями. К заявлению митрополит Сергей приложил проект декларации.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Нижеподписавшийся с 14 декабря 1925 года исправляет должность Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола, т.е. временно стоит во главе иерархии Русской Православной Церкви или Московского Патриархата, пределы которого совпадают с территорией СССР. Должность эта возлагает на меня высшее духовное руководство религиозным обществом, члены которого насчитываются миллионами. Руководство же предполагает постоянное сношение во всесоюзном масштабе. При всем уклонении моем от всяких административных функций деятельность моя требует известных форм и известных вспомогательных органов, существование которых невозможно без законной регистрации. Между тем иерархия нашей Православной Церкви (т. н. «Тихоновской», т. е. Патриаршей) до сих пор не имеет регистрации. Это не может не сопровождаться многими практическими неудобствами, придавая всей нашей деятельности характер какой-то нелегальности, хотя мы и не совершаем ничего запрещенного законами республики. Все эти соображения, а также и то, что исправление мною должности грозит затянуться на неопределенное время, побуждают меня просить о регистрации иерархии Православной Русской Патриаршей Церкви, или т.н. староцерковников (в отличие от обновленцев, самосвятов и др.) и тем дать нам возможность совершенно легально и открыто осуществлять

возлагаемые на нас правилами нашей веры обязанности духовного руководства нашей паствы, т.е. тем, кто добровольно признает нас своими руководителями.

В частности прошу:

1. Зарегистрировать меня, Сергия, митрополита Нижегородского (гр. Страгородского) в качестве временно исправляющего должность Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола (подписываюсь «за Патриаршего Местоблюстителя») и при мне «Канцелярия Московской Патриархии» в составе заведующего и секретарей (от 2 до 4), а также переписчиков в нужном количестве, с правом иметь бланки и печать. Местопребывание мое и Канцелярии в Н.Новгороде временно с тем, чтобы по мере надобности Канцелярия могла переместиться в Москву. Личный состав Канцелярии будет представлен по получении общего разрешения, дополнительно.

2. Дать распоряжение о регистрации местными административными органами местной староцерковнической иерархии: епархиальных и викарных архиереев, с правом иметь при себе канцелярии (если нет других вспомогательных органов управления, как-то: епархиальных, викариатских или пресвитерских советов и т.д.), пользоваться бланками и печатью.

Примечание: Дальнейшая наша задача по получении регистрации будет состоять в организации через выборы на соответствующих съездах коллективных органов для руководства церковными делами – упомянуты выше (там, где их нет). Организовавшись так на местах, мы можем приступить к делу созыва поместного нашего Собора во всесоюзном масштабе для выбора Патриарха, организации при нем Св. Синода и Высшего Церковного Совета и пр. церковных дел.

3. Впредь до Поместного Собора и до организации коллективного при Патриархе управления прошу разрешить мне для обсуждения возникших церковно-канонических вопросов время от времени собирать небольшие собрания архиереев (от 5 до 15) в Москве и др. городах (преимущественно там, где возникает вопрос) под моим председательством или председательством другого архиерея под моею ответственностью. О таких собраниях и принятых на них решениях своевременно будет осведомляться местная администрация.

4. Прошу мне разрешить при упомянутой выше канцелярии издание периодического «Вестника Московской Патриархии» для осведомления приходских общин о ходе церковной жизни, о распоряжениях церковной власти и для помещения статей по церковно-вероучительным вопросам.

5. Прошу разрешить староцерковническому обществу организацию духовного образования, как высшего (в виде духовных академий), так и среднего (пастырские курсы и школы), для лиц старше 18 лет.

В случае общего разрешения по пунктам 4 и 5 будут представлены своевременно проспекты и другие нужные сведения.

Прилагаемое мое обращение имеет целью выявить мое и единомышленных со мною староцерковных православных архиереев отношение к советской власти и назревшим церковно-политическим вопросам.

10 июня 1926 года

Страгородский Ив. Ник.

(Сергий, Митрополит Нижегородский)

Жительство: Н. Новгород, Б. Крестовоздвиженский монастырь, дом 18

ДЕКЛАРАЦИЯ

(Проект)

Православным преосвященным Архипастырям
и пастырям и пасомым Московского Патриархата

Одною из постоянных забот нашего почившего Св. Патриарха было выхлопотать для нашей православной Патриаршей Церкви регистрацию и вместе с ней возможность полного легального существования в пределах СССР.

Правда, наши приходские общины существуют вполне легально (на основании договоров, заключенных с правительством) и как таковые имеют право признавать над собою в своих чисто духовных делах руководителем кого хотят. Следовательно, наша православная иерархия в своих отношениях к приходским общинам стоит исключительно на канонической почве и, не претендуя ни на какие административные внешне юридические функции, действует в пределах закона. Однако отсутствие свободы регистрации для наших церковно-правительственных органов создает для иерархии много практических неудобств, придавая ее деятельности какой-то скрытый или даже конспиративный характер, что, в свою очередь, зарождает много всяких недоразумений и подозрений. В целях найти выход из такого положения и следуя примеру Св. Патриарха, я

обратился к НКВД с просьбой о регистрации нашего церковного управления и теперь имею радость сообщить Вам, что моя просьба правительством удовлетворена. Правительство признало возможным..... Получая таким образом права легального существования, мы ясно отдаем себе отчет и в том, что вместе с правами на нас ложатся и обязанности по отношению к той власти, которая нам эти права дает.

И вот я взял на себя от лица всей православной староцерковной иерархии и паствы засвидетельствовать перед советской властью нашу искреннюю готовность быть вполне законопослушными гражданами Советского Союза, лояльными к его правительству, и решительно отмежеваться от всяких политических партий и предприятий, направленных во вред Союза.

Но, будучи искренними до конца, мы не можем замалчивать того противоречия, какое существует между нами, православными, и коммунистами большевиками, управляющими союзом. Они ставят своей задачей борьбу с Богом и Его властью в сердцах народа, мы же весь смысл и всю цель существования нашего видим в исповедании веры в Бога и возможно широком распространении и укреплении этой веры в сердцах народа. Они признают лишь материалистическое понимание истории, а мы верим в промысл Божий, чудо и т.д.

Отнюдь не обещая примирить непримиримое и подкрасить нашу веру под коммунизм и религиозно оставаясь такими, как мы есть, староцерковниками, или, как нас величают, тихоновцами, прогресс церковный мы видим не в приспособляемости Церкви к «современным требованиям», не в урезке ее идеала и не в изменении ее учения и канонов, а в том, чтобы при современных условиях церковной жизни, в современной обстановке суметь зажечь и поддержать в сердцах нашей паствы весь прежний огонь ревности о Боге и научить пасомых в самом зените материального прогресса находить подлинный смысл своей жизни все-таки за гробом, а не здесь.

При всем том мы убеждены, что православный христианин, свято соблюдая свою веру и живя по ее заветам, именно потому и будет всюду желательным и образцовым гражданином какого угодно государства, в том числе и советского, в какой бы области жизни не пришлось ему действовать: на фабрике, в деревне или городе, в армии или шахте и т. п. Потребуется ли государство отказаться от собственности, нужно ли будет жизнь свою положить за общее дело, нужно ли показать пример трезвости, честности, усердия на службе обществу, всему этому и научает христианина его вера. Во всяком случае раз в Союзе гражданами состоят не только коммунисты, но и люди религиозной веры, то одним из первых таких граждан может быть и всякий православный христианин, принадлежащий к тому же подавляющему большинству населения.

Но, обещая полную лояльность, обязательную для всех граждан Союза, мы, представители церковной иерархии, не можем взять на себя каких-либо особых обязательств для доказательства такой нашей лояльности. Не можем взять на себя, например, наблюдения за политическим настроением наших единоверцев, хотя бы это наблюдение и ограничилось тем, что за благонадежность одних мы ручаемся, а других будем лишать такого ручательства. Для этой цели у советской власти есть органы более подходящие и средства более действенные. Тем паче не можем мы взять на себя функций экзекуторских и применять церковные кары для отмщения недоброжелателям советской власти. Одно из завоеваний революции есть свобода Церкви от всякой политической и государственной миссии, мы отнюдь не можем отказаться от этого завоевания, да и верующий народ не простит нам этого отказа, но мы твердо обещаем, что, насколько это будет зависеть от нашего авторитета, мы не дадим впредь вовлечь Церковь в какую-нибудь политическую авантюру и не позволим никому покрывать именем Церкви своих политических вождений.

Здесь требуют выяснения наших отношений к русскому духовенству, ушедшему с эмигрантами за границу и там образовавшему из себя как бы некоторое филиальное отделение Русской Церкви. Не признавая себя гражданами Советского Союза и не считая себя связанными по отношению к советской власти никакими обязательствами, заграничные духовные лица иногда позволяют себе враждебные выступления против Союза, а ответственность за эти выступления падает на всю Русскую Церковь, в клире или иерархии которой они продолжают оставаться, и на ту часть духовенства, которая живет в пределах Союза и числится в его гражданстве со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Обрушиться на заграничное духовенство за его неверность Советскому Союзу какими-нибудь церковными наказаниями было бы ни с чем несообразно и давало бы только лишний повод говорить о принуждении нас к тому советской властью. Но выразить наш полный разрыв с таким политиканствующим духовенством и тем оградить себя на будущее время от ответственности за его политиканство и желательно и вполне возможно.

Для этого только нужно установить правило, что всякое духовное лицо, которое не пожелает принять своих гражданских обязательств перед Союзом, должно быть исключено из состава клира Московского Патриархата и поступить в ведение заграничных поместных церквей, смотря по территории. Теми же обязательствами должно быть обусловлено и существование за границей особых русских церковно-правительственных учреждений вроде Св.Синода или Епархиального Совета.

Отмежевавшись таким образом от эмигрантов, мы будем строить свою церковную жизнь в пределах СССР совершенно вне политики, но помня наш гражданский долг перед приютившим нас и давшим нам права легального существования Советским Союзом.

Приглашаю преосвященных Архипастырей довести настоящее мое обращение до сведения своих епархий и о последующем меня уведомить.

За Патриаршего Местоблюстителя Сергей,
Митрополит Нижегородский
10 июня – 28 мая 1926 года»

¹⁷ Письмо, откуда мы берем эту цитату, и многие другие, приводимые в дальнейшем, сохранились при "деле" митрополита Петра. Эти письма охватывают период с лета 1928 года по декабрь 1933-го. Большинство их адресовано Тучкову и возглавителям ОГПУ, некоторые – советским властям.

¹⁸ К этому времени, 12 декабря 1926 года, ГПУ арестовало митрополита Сергия, и по его распоряжению церковное управление перешло к архиепископу Угличскому Серафиму (Самойловичу). Формальным поводом для ареста послужила «открытая» ГПУ попытка избрания Патриарха с помощью письменных опросов архиереев. Из материалов следственного дела произошедшее выглядит таким образом. Епископ Павлин (Крошечкин) в октябре 1926 года посетил митрополита Сергия (Страгородского) в Нижнем Новгороде и сообщил ему, что он, как и многие православные архиереи, удручен нестроениями в Русской Православной Церкви, развившимися после ареста митрополита Петра, которые могли бы быть устранены избранием Патриарха. Но поскольку Собор в современных обстоятельствах не возможен, то он предлагает митрополиту Сергию обратиться к православным архиереям с соответствующим письмом, чтобы затем собрать их мнения по данному вопросу. Осторожный и многоопытный митрополит Сергей писать такое обращение отказался и предложил, чтобы православные архиереи сами обратились к нему с подобной инициативой, и тогда он составит обращение. Епископ Павлин составил обращение к митрополиту Сергию, под которым предполагал собрать подписи православных епископов. Причем, предложил кандидатуру митрополита Кирилла (Смирнова) на пост Патриарха. Епископ считал, что если большинство архиереев выскажется за кандидатуру митрополита Кирилла, то такое избрание можно будет считать действительным. Психологически весьма любопытно, что выход из сугубо церковного положения предполагалось найти в «демократической» процедуре «большинством голосов». По существу, неосознанно для инициаторов, предлагалась узурпация церковной власти: без какого бы то ни было церковного суда насильственно устранялся законный Местоблюститель-исповедник и назначенный им заместитель. ОГПУ, как и в случае обращения из Пермской тюрьмы митрополита Агафангела, торжествовало. Хорошо представляя все это, митрополит Сергей поставил епископу Павлину условие — получить отзыв о затеваемом мероприятии Местоблюстителя, митрополита Петра. Условие это было обязательным, но вряд ли выполнимым, так как митрополит Петр находился в это время в одиночке Суздальского политизолятора. И, следовательно, испросить отзыв митрополита Петра можно было, лишь поставив в известность обо всем замысле ГПУ. Митрополит Сергей только посмеялся над этим планом и как-то в шутку сказал, что если бы и согласился участвовать в мероприятии, то разве в том случае, если изберут его в Патриархи. Уже столкнувшись с аппаратом ОГПУ, побывав в тюрьме и ссылке, не один раз побеседовав с Тучковым, некоторые епископы все же были убеждены, что нестроения церковные происходят от ссор митрополитов, спорящих за церковную власть. Однако церковные распри замышлялись в секретном отделе ОГПУ. Случай с достойнейшим и многоопытным митрополитом Агафангелом яркий тому пример. Предполагаемый кандидат на патриаршество, митрополит Кирилл (Смирнов), это хорошо понимал. И когда Тучков поехал к нему в ссылку сообщить, что архиереи просят его в Патриархи и ради этого затеяны нелегальные выборы, но хотелось бы знать, как смотрит на это сам митрополит Кирилл, — владыка от переговоров на эту тему отказался.

Мероприятие с тайными выборами Патриарха если и не было целиком задумано в секретном отделе ГПУ, то во всяком случае было им прослежено от начала. На его осуществление ГПУ отпустило месяц, в декабре 1926 года арестовав почти всех участников, включая и

митрополита Сергия. Ко времени ареста епископу Павлину удалось собрать мнения примерно двадцати иерархов, большинство высказалось за митрополита Кирилла. Кое-кто остался при особом мнении, некоторые желали видеть Патриархом митрополита Сергия. Само хранящееся в архиве КГБ «дело» о тайных выборах Патриарха имеет неудовлетворительный вид. Многие документы отсутствуют. Нет текста проекта обращения митрополита Сергия по поводу выборов Патриарха, обнаруженного при обыске у епископа Павлина, нет и многих других церковных документов, о которых шла речь во время допросов. Зато приложена к «делу» декларация «соловецких епископов», незадолго перед арестом переданная митрополиту Сергию для ознакомления. По поводу памятной записки «соловецких епископов» митрополит Сергей ответил, что не успел с ней ознакомиться. Характерно, однако, что составленный им раньше проект декларации в основных мыслях совпадает с запиской. Ввиду важности этого документа, мы приводим текст Соловецкой декларации, хранящейся в «деле» митрополита Сергия (ЦОА КГБ СССР. Арх. № Р-31639.)

Декларацию вывез из Соловецкого концлагеря игумен Питирим (Крылов) (Впоследствии епископ и управляющий делами Московской патриархии). В 1926 году среди освобождающегося из лагеря духовенства все настоятельнее возникала необходимость – иметь сформулированную епископатам позицию: каковы должны быть взаимоотношения между Церковью и советским государством. Проект и идеи обсуждались в камерах. Основными авторами декларации были архиепископы Иларион (Троицкий) и Евгений (Зернов) и профессор патристики Иван Васильевич Попов. Обсуждение продолжалось два месяца, обсуждали в основном епископы, набросок пустили для совета по камерам, окончательный вариант решили послать митрополиту Сергию (Страгородскому). Некоторые архиереи, в частности, архиепископ Иларион, возражали – не будет ли некорректным указывать митрополиту Сергию; он сам знает, как ему поступать. Другие полагали, что это необходимое выражение мнения епископата, находящегося в данное время в Соловках. Архиепископ Евгений передал текст декларации игумену Питириму, тот положил его в корзину для белья и, поскольку обыска не было, благополучно вывез ее на волю. Текст по благословению архиепископа Евгения был доставлен епископу Афанасию (Сахарову) и затем передан митрополиту Сергию. Приводим его целиком:

«Несмотря на основной закон Советской конституции, обеспечивающий верующим полную свободу совести, религиозных объединений и проповеди. Православная Российская Церковь до сих пор испытывает весьма существенные стеснения в своей деятельности и религиозной жизни. Она не получает разрешения открыть правильно действующие органы центрального и епархиального Управлений; не может перенести свою деятельность в ее исторический центр – Москву, ее епископы или вовсе не допускаются в свои епархии, или, допущенные туда, бывают вынуждены отказываться от выполнения самых существенных обязанностей своего служения – проповеди в церкви, посещения общин, признающих их духовный авторитет, иногда даже посвящения. Местоблюститель Патриаршего Престола и около половины православных епископов томятся в тюрьмах, в ссылке или на принудительных работах. Не отрицая действительности этих фактов, правительственные органы объясняют их политическими причинами, обвиняя Православный епископат и клир в контрреволюционной деятельности и тайных замыслах, направленных к свержению советской власти и восстановлению старого порядка. Уже много раз Православная Церковь, сначала в лице покойного Патриарха Тихона, а потом в лице его заместителей, пыталась в официальных обращениях к Правительству рассеять окутывающую ее атмосферу недоверия. Их безуспешность и искреннее желание положить конец прискорбным недоразумениям между Церковью и советской властью, тяжелым для Церкви и напрасно осложняющим для государства выполнение его задач, побуждает руководящий орган Православной Церкви еще раз с совершенной справедливостью изложить перед Правительством принципы, определяющие ее отношение к государству.

Подписавшие настоящее заявление отдают себе полный отчет в том, насколько затруднительно установление взаимных благожелательных отношений между Церковью и государством в условиях текущей действительности, и не считают возможным об этом умолчать. Было бы неправдой, не отвечающей достоинству Церкви и притом бесцельной и ни для кого не убедительной, если бы она стала утверждать, что между Православной Церковью и государственной властью Советских Республик нет никаких расхождений. Но это расхождение состоит не в том, в чем желает его видеть политическая подозрительность и в чем его указывает клевета врагов Церкви. Церковь не касается перераспределения богатств или их обобществления, т.к. всегда признавала это правом государства, за действия которого не ответственна. Церковь не касается и политической организации власти, ибо лояльна в отношении правительств всех стран, в

границах которых имеет своих членов. Она уживается со всеми формами государственного устройства от восточной деспотии старой Турции до Республики Северо-Американских Штатов. Это расхождение лежит в непримиримости религиозного учения Церкви с материализмом, официальной философией коммунистической партии и руководимого ею правительства Советских Республик.

Церковь признает бытие духовного начала, коммунизм его отрицает. Церковь верит в Живого Бога, Творца мира. Руководителя его жизни и судеб, коммунизм – не допускает Его существования, признает самопроизвольность бытия мира и отсутствие разумных конечных причин в его истории. Церковь полагает цель человеческой жизни в небесном призвании души и не перестает напоминать верующим об их небесном отечестве, хотя бы жила в условиях наивысшего развития материальной культуры и всеобщего благосостояния, коммунизм – не желает знать для человека никаких других целей, кроме земного благоденствия. С высот философского миросозерцания идеологическое расхождение между Церковью и государством нисходит в область непосредственного практического знания, в сферу нравственных принципов. Церковь верит в незыблемость начал нравственности, справедливости и права, коммунизм – считает их условным результатом классовой борьбы и оценивает явления нравственного порядка исключительно с точки зрения целесообразности. Церковь проповедует любовь и милосердие, коммунизм – товарищество и беспощадность борьбы. Церковь внушает верующим возвышающее человека смирение, коммунизм – унижающую его гордость. Церковь сохраняет плотскую чистоту и святость плодоношения, коммунизм – не видит в брачных отношениях ничего, кроме удовлетворения инстинктов. Церковь видит в религии животворящую силу, не только обеспечивающую человеку достижение его вечного предназначения, но и служащую источником всего великого в человеческом творчестве, основу земного благополучия, счастья и здоровья народов. Коммунизм смотрит на религию, как на опиум, опьяняющий народы и расслабляющий их энергию, как на источник их бедствий и нищеты. Церковь хочет процветания религии, коммунизм – ее уничтожения.

*Иван Васильевич Попов.
Внутренняя тюрьма НКВД. Москва. 1935 год*

При таком глубоком расхождении в самых основах миросозерцания между Церковью и государством не может быть никакого внутреннего сближения или примирения, как невозможно примирение между положением и отрицанием, между «да» и «нет», потому что душою Церкви, условием ее бытия и смыслом ее существования является то самое, что категорически отрицает коммунизм. Никакими компромиссами и уступками, никакими частичными изменениями в своем

вероучении или перетолкованиями его, в духе коммунизма. Церковь не могла бы достигнуть такого сближения. Жалкие попытки в этом роде были сделаны обновленцами: одни из них ставили своей задачей внедрить в сознание верующих мысль, будто христианство, по существу своему, не отличается от коммунизма и что коммунистическое государство стремится к достижению тех же целей; что и Евангелие, но свойственным ему способом, т.е. не силой религиозных убеждений, а путем принуждения. Другие рекомендовали пересмотреть христианскую догматику в том смысле, чтобы ее учение об отношении Бога к миру не напоминало отношение монарха к подданным и более соответствовало республиканским понятиям; третьи требовали исключения из календаря святых «буржуазного происхождения» и лишения их церковного почитания. Эти попытки, явно неискренние, вызывали глубокое негодование людей верующих.

Православная Церковь никогда не станет на этот недостойный путь и никогда не откажется ни в целом, ни в частях от своего, обвеянного святыней прошлых веков, вероучения в угоду одному из вечносменяющихся общественных настроений.

При таком непримиримом идеологическом расхождении между Церковью и государством, неизбежно отражающемся на жизнедеятельности этих организаций, столкновение их в работе дня может быть предотвращено только последовательно проведенным законом об отделении Церкви от государства, согласно которому ни Церковь не должна мешать гражданскому правительству в условиях материального благополучия народа, ни государство – стеснять Церковь в ее религиозно-нравственной деятельности.

Такой закон, изданный в числе первых революционным Правительством, вошел в состав Конституции СССР и мог бы – при изменившейся политической системе – до известной степени удовлетворить обе стороны. Церковь не имеет религиозных оснований его не принять. Господь Иисус Христос заповедал предоставлять «кесарево», т.е. заботу о материальном благосостоянии народа – «кесарю», т.е. государственной власти, – и не оставил Своим последователям завета влиять на изменение государственных форм и руководить их деятельностью. Согласно этому вероучению и традициям Православная Церковь всегда сторонилась политики и оставалась послушной государству во всем, что не касается веры. Оттого, внутренне чуждая правительству в древнеримской империи или в недавней Турции, она могла оставаться и в действительности оставалась лояльной в гражданском отношении. Но современное государство, со своей стороны, не может требовать от нее ничего большего. В противоположность старым политическим теориям, считавшим необходимым для внутреннего скрепления политических объединений религиозное единодушие граждан, оно не признает последнего важным в этом отношении, решительно заявляет, что не нуждается в содействии Церкви в достижении им поставленных задач и предоставляет гражданам полную религиозную свободу.

При создавшемся положении Церковь желала бы только полного и последовательного проведения в жизнь закона об отделении Церкви от государства.

К сожалению, действительность далеко не отвечает этому желанию. Правительство, как в своем законодательстве, так и в порядке управления, не остается нейтральным по отношению к вере и неверию, но совершенно определенно становится на сторону атеизма, употребляя все средства государственного воздействия к его насаждению, развитию и распространению в противовес всем религиям. Церковь, на которую ее вероучением возлагается религиозный долг проповеди Евангелия всем, в том числе и детям верующих, лишена по закону права выполнить этот долг по отношению к лицам, не достигшим 18-летнего возраста. Между тем, в школах и организациях молодежи детям самого раннего возраста и подросткам усиленно внушаются принципы атеизма со всеми логическими выводами из них. Основной закон дает гражданам право веровать во что угодно, но он сталкивается с законом, лишаящим религиозное общество права юридического лица и связанного с ним права обладания какой бы то ни было собственностью, даже предметами, не представляющими никакой материальной ценности, но дорогими и священными для верующего исключительно по своей религиозной значимости. В целях пропаганды противорелигиозной, по силе этого закона, у Церкви отобраны и помещены в музеи почитаемые ею останки святых.

В порядке управления Правительство принимает все меры к подавлению религии: оно пользуется всеми поводами к закрытию церквей и обращению их в места публичных зрелищ и упразднению монастырей, несмотря на введение в них трудового начала, подвергает служителей Церкви всевозможным стеснениям в житейском быту, не допускает лиц верующих к преподаванию в школах, запрещает выдачу из общественных библиотек книг религиозного содержания и даже только идеалистического направления и устами крупных государственных

деятели неоднократно заявляло, что и та ограниченная свобода, которой Церковь еще пользуется, есть временная мера и уступка вековым религиозным навыкам народа.

Из всех религий, испытывающих на себе всю тяжесть перечисленных стеснений, в наиболее стесненном положении находится Православная Церковь, к которой принадлежит огромное большинство русского народа, населения, составляющего подавляющее большинство и в государстве. Ее положение отягощается еще тем обстоятельством, что отколовшаяся от нее часть духовенства, образовавшая из себя обновленческую схизму, стала как бы государственной Церковью, которой Советская власть, вопреки ей же изданным законам, оказывает покровительство – в ущерб Церкви Православной. В официальном акте правительство заявило, что единственно законным представителем Православной Церкви в пределах СССР оно признает обновленческий синод. Обновленческий раскол имеет действующие беспрепятственно органы высшего и епархиального управления, его епископы допускаются в епархии, им разрешается посещение общин, в их распоряжение почти повсеместно переданы отобранные у православных соборные храмы, обыкновенно вследствие этого пустующие. Обновленческое духовенство в известной степени пользуется даже материальной поддержкой правительства, так, например, его делегаты получили бесплатные билеты по железной дороге для проезда в Москву на их так наз. «Священный Собор» 1923 г. и бесплатное помещение в Москве, в 3-ем доме Московского Совета. Большая часть православных епископов и священнослужителей, находящихся в тюрьме или в ссылке, подверглись этой участи за их успешную борьбу с обновленческим расколом, которая – по закону – составляет их бесспорное право, не в порядке управления, рассматривается в качестве противодействия видам правительства.

Православная Церковь не может по примеру обновленцев засвидетельствовать, что религия в пределах СССР не подвергается никаким стеснениям и что нет другой страны, в которой она пользовалась бы столь полной свободой. Она не скажет вслух всего мира этой полной лжи, которая может быть внушена только или лицемерием, или сервилизмом, или полным равнодушием к судьбам религии, заслуживающим безграничного осуждения в ее служителях. Напротив, со всей справедливостью она должна заявить, что не может признать справедливым и приветствовать ни законов, ограничивающих ее в исполнении своих религиозных обязанностей, ни административных мероприятий, во много раз увеличивающих стесняющую тяжесть этих законов, ни покровительства, оказываемого – в ущерб ей – обновленческому расколу. Свое собственное отношение к государственной власти Церковь основывает на полном и последовательном проведении в жизнь принципа раздельности Церкви и государства. Она не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели, она никого не призывает к оружию и политической борьбе, она повинуетя всем законам и распоряжениям гражданского характера, но она желает сохранить в полной мере свою духовную свободу и независимость, предоставленные ей Конституцией, и не может быть слугой государства. Лояльности Православной Церкви Советское Правительство не верит. Оно обвиняет ее в деятельности, направленной к свержению нового порядка и восстановлению старого. Мы считаем необходимым заверить правительство, что эти обвинения не соответствуют действительности. В прошлом, правда, имели место политические выступления Патриарха, подававшие повод к этим обвинениям, но все изданные Патриархом акты подобного рода направлялись не против власти в собственном смысле. Они относятся к тому времени, когда революция проявляла себя исключительно со стороны разрушительной, когда все общественные силы находились в состоянии борьбы, когда власти в смысле организованного правительства, обладающего необходимыми орудиями управления, не существовало. В то время слагающиеся органы центрального управления не могли сдерживать злоупотреблений и анархии ни в столицах, ни на местах. Всюду действовали группы подозрительных лиц, выдававших себя за агентов правительства, а в действительности оказавшихся самозванцами с преступным прошлым и еще более преступным настоящим. Они избивали епископов и священнослужителей, ни в чем не повинных, врываются в дома и больницы, убивали там людей, расхищали там имущество, ограбляли храмы и затем бесследно рассеивались. Было бы странным, если бы при таком напряжении политических и своекорыстных страстей, при таком озлоблении одних против других, среди этой всеобщей борьбы одна Церковь оставалась равнодушной зрительницей происходящих нестроений.

Проникнутая своими государственными и национальными традициями, унаследованными ею от своего векового прошлого. Церковь в эту критическую минуту народной жизни выступила на защиту порядка, полагая в этом свой долг перед народом. И в этом случае она не разошлась со своим вероучением, требующим от нее послушания гражданской власти, ибо

Евангелие обязывает христианина повиноваться власти, употребляющей свой меч во благо народа, а не анархии, являющейся общественным бедствием. Но с течением времени, когда сложилась определенная форма гражданской власти. Патриарх Тихон заявил в своем воззвании к пастве о лояльности в отношении к Советскому Правительству, решительно отказался от всякого влияния на политическую жизнь страны, до конца своей жизни Патриарх оставался верен этому акту. Не нарушили его и православные епископы. Со времени издания его нельзя указать ни одного судебного процесса, на котором было бы доказано участие православного клира в деяниях, имевших своей целью ниспровержение Советской власти.

Епископы и священнослужители, в таком большом количестве страждущие в ссылке, тюрьмах или на принудительных работах, подвергались этим репрессиям не по судебным приговорам, а в административном порядке, без точно сформулированного обвинения, без правильного расследования дела, без гласного судебного процесса, без предоставления возможности защиты, часто даже без объяснения причин, что является бесспорным доказательством отсутствия серьезного обвинительного материала против них. Православную иерархию обвиняют в сношении с эмигрантами в отношении их политической деятельности, направленной против Советской власти. Это второе обвинение так же далеко от истины, как и первое.

Патриарх Тихон осудил политические выступления зарубежных епископов, сделанные ими от лица Церкви. Кафедры ушедших с эмигрантами епископов были замещены им другими лицами. Когда созванный с его разрешения Карловацкий Собор превысил свои церковные полномочия, вынес постановление политического характера. Патриарх осудил его деятельность и распустил синод, допустивший уклонение Собора от его программы. Хотя канонически православные епархии, возникшие за границей, подчинены Российскому патриархату, однако в действительности управление ими из Москвы и в церковном отношении невозможно по отсутствию легальных форм сношений с ними, что снимает с Патриарха и его заместителей ответственность за происходящее в них. Можем заверить правительство, что мы не принимаем участие в их политической деятельности и не состоим с ними ни в открытых, ни в тайных сношениях по делам политическим. Отсутствие фактов, уличающих Православную иерархию в преступных сношениях с эмигрантами, заставляет врагов Церкви, для которых выгодно возбуждать против нас недоверие правительства, прибегать к гнусным подлогам.

Таков «документ», предъявленный в октябре 1925 г. Введенским, именующим себя митрополитом, на так наз. «Священном Соборе» обновленцев, не постыдившимся сделать вид, что он поверил в подлинность этой грубо сфабрикованной подделки.

Свои отношения к гражданской власти, на основе законов об отделении Церкви от государства. Церковь мыслит в такой форме. Основной закон нашей страны устраняет Церковь от вмешательства в политическую жизнь. Служители культа, с этой целью, лишены как активного, так и пассивного избирательного права, и им запрещено оказывать влияние на политическое самоопределение масс силою религиозного авторитета. Отсюда следует, что Церковь, как в своей открытой деятельности, так и в своем интимном пастырском воздействии на верующих, не должна подвергаться критике или порицанию гражданские мероприятия правительства, но отсюда вытекает и то, что она не должна и одобрять их, т.к. не только порицание, но и одобрение правительства есть вмешательство в политику, и право одобрения Предполагает право порицания или хотя бы право воздержания от одобрения, которое всегда быть может понято, как знак недовольства и неодобрения. Соответственно этому Церковь и действует.

С полной искренностью мы можем заверить правительство, что ни в храмах, ни в церковных учреждениях, ни в церковных собраниях от лица Церкви не ведется никакой политической пропаганды. Епископы и клир и на будущее время воздержатся от обсуждения политических вопросов в проповедях и пастырских посланиях. Церковные учреждения, начиная приходскими советами и кончая Патриаршим Синодом, отнесутся к ним как к предметам, выходящим за пределы их компетенции. Они не будут также вносимы в программу приходских собраний, благочиннических и епархиальных съездов, всероссийских соборов и не будут на них затрагиваемы. В избрании членов церковных учреждений и представительных собраний Церковь совершенно не будет считаться с политическими взглядами, с социальным положением, имущественным состоянием и партийной принадлежностью избираемых, каковы бы они ни были, и ограничится предъявлением к ним исключительно религиозных требований и чистоты веры, ревности о нуждах Церкви, безупречности личной жизни и нравственного характера.

В республике всякий гражданин, не пораженный в политических правах, призывается к участию в законодательстве и управлении страной, в организации правительства и влиянию в

законом установленной форме на его состав. И это является не только его правом, но и обязанностью, гражданским долгом, в выполнении которого никто не вправе стеснять его.

Церковь вторглась бы в гражданское управление, если бы, отказавшись от открытого обсуждения вопросов политических, стала влиять на направление дел путем пастырского воздействия на отдельных лиц, внушая им либо полное уклонение от политической деятельности, либо определенную программу таковой, призывая к вступлению в одни политические партии и к борьбе с другими. У каждого верующего есть свой ум и своя совесть, которые и должны указывать ему наилучший путь к устройению государства. Отнюдь не отказывая вопрошающим в религиозной оценке мероприятий, сталкивающихся с христианским вероучением, нравственностью и дисциплиной, в вопросах чисто политических и гражданских. Церковь не связывает их свободы, внушая им лишь общие принципы нравственности, призывая их добросовестно выполнять свои обязанности, действовать в интересах общего блага, не с малодушной целью угождать силе, а по сознанию справедливости и общественной пользы.

Совершенное устранение Церкви от вмешательства в политическую жизнь в республике с необходимостью влечет за собой и ее уклонение от всякого надзора за политической благонадежностью своих членов. В этом лежит глубокая черта различия между Православной Церковью и обновленческим расколом, органы управления которого и его духовенство, как это видно из их собственных неоднократных заявлений в печати, взяли на себя перед правительством обязательство следить за лояльностью своих единоверцев, ручаться в этом отношении за одних и отказывать в поруче другим.

Соловецкий концлагерь

Оборот фотографии. Факсимиле подписей узников

Православная Церковь считает сыск и политический донос совершенно несовместимым с достоинством пастыря. Государство располагает специальными органами наблюдения, а члены Церкви, ее клир и миряне ничем не отличаются, в глазах современного правительства, от прочих граждан и потому подлежат политическому надзору в общем порядке. Из этих принципов вытекает недопустимость церковного суда по обвинению в политических преступлениях.

Обновленческий раскол, возвращая себя в положение государственной Церкви, такой суд допускает.

На так называемом обновленческом соборе 1923 г. по обвинению в политических преступлениях были подвергнуты церковным наказаниям, по справедливости вмененными Православной Церковью в ничто. Патриарх Тихон и епископы, удалившиеся с эмигрантами за границу. Православная Церковь такой суд отменяет.

Те церковно-гражданские законы, которыми руководилась Церковь в христианском государстве, после падения его утратили силу, а чисто церковные законодательства, которыми единственно в настоящее время может руководиться Церковь, не предусматривают суда над клириками и мирянами по обвинению в политических преступлениях и не содержат в своем составе еще канонов, которые налагали бы на верующих церковные наказания за преступления подобного рода.

В качестве условий легализации церковных учреждений представителями ОГПУ неоднократно предъявлялось Патриарху Тихону и его заместителям требование доказать свою лояльность по отношению к правительству путем церковного осуждения русских епископов, действующих за границей против Советской власти.

Исходя из изложенных выше принципов, мы не можем допустить обращения церковного амвона и учреждений в одностороннее орудие политической борьбы, тем более, что политическая заинтересованность зарубежного епископата бросает тень на представителей Православной Церкви в пределах СССР, питает недоверие к их законопослушности и мешает установлению нормальных отношений между Церковью и государством. Тем не менее мы были бы поставлены в большое затруднение, если бы от нас потребовали бы выразить свое неодобрение в каком-нибудь церковном акте судебного характера, т.к. собрание канонических правил, как было сказано, не предусматривает суда за политические преступления.

Но если бы даже Православная иерархия, не считаясь с этим обстоятельством по примеру обновленцев, решилась приступить к такому суду, то встретила бы целый ряд специальных затруднений, создающих неустранимые препятствия для закономерной постановки процесса, при которой единственно определения суда могут получить непререкаемый канонический авторитет и быть приняты Церковью.

Зарубежных епископов мог бы судить только собор Православных епископов, но вполне авторитетный собор не может состояться уже потому, что около половины Православных епископов находятся в тюрьме или ссылке и, следовательно, их кафедры не могут иметь законного представительства на соборе.

Согласно церковным правилам вселенского значения необходимо личное присутствие обвиняемых на суде, и только в случае злонамеренного уклонения их от суда разрешается

заочное слушание дела. Зарубежные епископы – тяжкие политические преступники в глазах Советской власти – в случае их прибытия в пределы СССР были бы лишены гарантии личной безопасности, а потому их уклонение и не могло бы быть признано злонамеренным.

Всякий суд предполагает судебное следствие. Православная Церковь не располагает органами, через посредство которых она могла бы расследовать дело о политических преступлениях Православных епископов за границей.

Но она не могла бы произнести свой суд и на основании того обвинительного материала, который собран правительственными учреждениями и если бы даже он был представлен на собор, так как в случае возражения против него со стороны обвиняемых или представления ими новых данных и оправдывающих документов, собор был бы поставлен в необходимость пересмотра правительственного расследования, что со стороны Церкви было бы совершенно недопустимым нарушением гражданских законов.

Обновленческий собор 1923 г., сделавший опыт суда, которого от нас требуют, и пренебрегший церковными законами, которые его не допускают, тем самым сделал свои постановления ничтожными и никем не признанными. Закон об отделении Церкви от государства двусторонен: он запрещает Церкви принимать участие в политике и гражданском управлении, но содержит в себе и отказ государства от вмешательства во внутренние дела Церкви – в ее вероучение, богослужение и управление.

Всецело подчиняясь этому закону, Церковь надеется, что и государство добросовестно исполнит по отношению к ней те обязательства по сохранению ее свободы и независимости, которые в этом законе оно на себя приняло.

Церковь надеется, что не будет оставлена в этом бесправном и стесненном положении, в котором она находится в настоящее время, что законы об обучении детей закону Божию и о лишении религиозных объединений прав юридического лица будут пересмотрены и изменены в благоприятном для Церкви направлении, что останки святых, почитаемых Церковью, перестанут быть предметом кощунственных действий и из музеев будут возвращены в храм.

Церковь надеется, что ей будет разрешено организовать епархиальное управление, избрать Патриарха и членов Священного Синода, действующих при нем, созвать для этого, когда она признает нужным, епархиальные съезды и Всероссийский Православный Собор.

Церковь надеется, что правительство воздержится от всякого гласного или негласного влияния на выборы членов этих съездов и Собора, не стеснит свободы обсуждения религиозных вопросов на этих собраниях и не потребует никаких предварительных обязательств, заранее предрешающих сущность их будущих постановлений.

Церковь надеется также, что деятельность созданных таким образом церковных учреждений не будет поставлена в такое положение, при котором назначение епископов на кафедры, определения о составе Священного Синода, им принимаемые решения проходили бы под влиянием государственного чиновника, которому возможно будет поручен политический надзор за ними.

Представляя настоящую памятную записку на усмотрение Правительства, Российская Церковь еще раз считает возможным отметить, что она с совершенной искренностью изложила перед Советской властью как затруднения, мешающие установлению взаимно благожелательных отношений между Церковью и государством, так и те средства, которыми они могли бы быть устранены. Глубоко уверенная в том, что прочное и доверчивое отношение может быть основано только на совершенной справедливости, она изложила открыто, без всяких умолчаний и обоюдностей, что она может обещать Советской власти, в чем не может отступить от своих принципов и чего ожидает от правительства СССР.

Если предложения Церкви будут признаны приемлемыми, она возрадуется о правде тех, от кого это будет зависеть. Если ее ходатайство будет отклонено, она готова на материальные лишения, которым подвергается, встретит это спокойно, памятуя, что не в целостности внешней организации заключается ее сила, а в единении веры и любви преданных ей чад ее, наипаче же возлагает свое упование на непреодолимую мощь ее Божественного Основателя и на Его обетование о неодолимости Его Создания».

¹⁹ Уже некоторое время епископ Дамаскин искал человека, который мог бы поехать к ссыльному Местоблюстителю для передачи ему материальной помощи, а также и для ухода за ним, так как митрополит Петр часто болел. Летом 1929 года из Чернигова в Стародуб, где жил в то время вернувшийся из ссылки епископ, приехала монахиня Ирина Бурова. Она была родом из Сибири, и ее владыка попросил поехать к митрополиту Петру. Он передал ей письмо к Местоблюстителю, в котором просил ответов на многие вопросы церковной жизни, и, в частности, о границах

полномочий митрополита Сергия. Вместе со своим письмом епископ передал и копии писем митрополита Кирилла к митрополиту Сергию, а также письма архиереев, выразивших свои суждения относительно декларации.

²⁰ Ваше Высокопреосвященство, простите великодушно, если настоящим письмом я нарушу душевный покой Вашего Высокопреосвященства. Мне сообщают о тяжелых обстоятельствах, складывающихся для Церкви в связи с переходом границ доверенной Вам церковной власти. Очень скорблю, что Вы не потрудились посвятить меня в свои планы по управлению Церковью. А между тем Вам известно, что от местоблюстительства я не отказывался и, следовательно, Высшее Церковное Управление и общее руководство церковной жизнью сохранил за собою. В то же время смею заявить, что (слово неразборчиво. – И.Д.) заместителя Вам предоставлены полномочия только для распоряжения текущими делами, быть только охранителем текущего порядка. Я глубоко был уверен, что без предварительного сношения со мною Вы не предпринимаете ни одного ответственного решения, каких-либо учредительных прав я Вам не предоставлял, пока со мною местоблюстительство и пока здравствует митрополит Кирилл, и в то же время был жив митрополит Агафангел. Поэтому же я и не считал нужным в своем распоряжении о назначении кандидатов в заместители упомянуть об ограничении их обязанностей, для меня не было сомнений, что заместитель прав установленных не заменит, а лишь заместит, явит собой, так сказать, тот центральный орган, через который Местоблюститель мог бы иметь общение с паствой. Проводимая же Вами система управления не только исключает это, но и самую потребность в существовании Местоблюстителя, таких больших шагов церковное сознание, конечно, одобрить не может. Не допустил я оговорки, ограничивающих обязанности заместителя, и по чувству глубокого уважения и доверия к назначенным кандидатам, и прежде всего к Вам, имея в виду при этом и Вашу мудрость. Мне тяжело перечислять все подробности отрицательного отношения к Вашему управлению, о чем раздаются протесты и вопли со стороны верующих от иерархов и мирян. Картина церковных разделений изображается потрясающей. Долг и совесть не позволяют мне оставаться безучастным к такому прискорбному явлению, побуждая обратиться к Вашему Высокопреосвященству с убедительнейшей просьбой исправить допущенную ошибку, поставившую Церковь в униженное положение, вызвавшее в ней раздоры и разделения и омрачившее репутацию ее предстоятелей. Равным образом прошу устранить и прочие мероприятия, превысившие Ваши полномочия. Такая Ваша решимость, надеюсь, создаст доброе настроение в Церкви и успокоит измученные души чад ее, а по отношению к Вам для общего нашего утешения сохранит то расположение, каким Вы заслуженно пользовались и как церковный деятель, и как человек. Возложите все упование на Господа, и Его помощь всегда будет с Вами. Со своей стороны я как первостоятель Церкви призываю всех священнослужителей и церковных деятелей проявить во всем, что касается гражданского законодательства и управления, полную лояльность. Они обязаны беспрекословно подчиняться правительственным распоряжениям, если те не нарушают святой веры и вообще не противны христианской совести; и не должны заниматься какой-либо противоправительственной деятельностью, не должны выражать ни в храмах, ни в частных беседах ни одобрения, ни порицания их действий и вообще вмешиваться в дело, не относящееся к Церкви. Смею, однако, надеяться, что действительность не может указать среди представителей православного епископата и клира случай подобной нелояльности. Ни в мое непосредственное управление, ни после не было слышно ни об одном политическом преступлении со стороны духовных лиц. Если бы эти преступления имели место, то, надо полагать, виновные подверглись бы гласному судебному процессу; но на судах политических преступников не упоминается о представителях духовенства. Я охотно готов признать, что и само правительство давно убедилось в аполитичности Православной Церкви, и Вы, Владыка, можете себе представить, с каким воплем у нас должны отнестись священнослужители, особенно томящиеся в тюрьмах и ссылках, к голословному заявлению о словах и делах, а затем и о постигшей многих горькой участи. Между прочим, мне пишут, что епископ Василий о делах от моего имени представил Вам доклад.

/Речь идет о докладе епископа Василия (Беляева) митрополиту Сергию о пребывании епископа Василия в ссылке вместе с митрополитом Петром. Докладу митрополит Сергей придавал большое значение. Ниже приводим его текст.

«Его Высокопреосвященству,
Временному Заместителю Местоблюстителя Патриаршего Престола
и Священному Синоду епископов Василия
епископа Спас-Клепиковского, викария Рязанского

Доклад

29 октября настоящего года я возвратился из ссылки, которая до окончания ее, т. е. до 9 января 1929 года заменена минусом шесть.

С 1 августа по 23 сентября я прожил в поселке Хэ Обдорского района Тобольского округа вместе с Митрополитом Петром Местоблюстителем и, по его поручению, должен Вам сообщить нижеследующее: Владыка получил возможность (из газ. «Известия») прочитать декларацию нынешнего православного Синода и вынес от нее вполне удовлетворительное впечатление, добавив, что она является необходимым явлением настоящего момента, совершенно не касаясь ее некоторых абзацев. Владыка митрополит просил передать его сердечный привет митрополиту Сергию и всем знающим его.

Смиренный послушник Вашего Высокопреосвященства
епископ Василий, викарий Рязанский
1927 года 11 ноября/.

Должен заметить, что ни ему, ни другому моему сожителю я не давал никаких поручений, касающихся церковных дел. О себе лично скажу, что я прошел все виды страданий, какие можно себе представить, казалось, что у меня одно время года – время скорби, но Господь, видимо, не оставляет меня. Он поддерживает мои силы, ослабляемые тяжелыми условиями изгнания, и вносит в душу упокоение, которое если и отравляется, то только болью о Церкви. Милость Божия да будет с Вами, Вашего Высокопреосвященства Послушник М.П.

²¹ «Я постоянно думаю о том, чтобы Вы являлись прибежищем для всех истинно верующих людей, – писал Местоблюститель. – Признаюсь, что из всех огорчительных известий, какие мне приходилось получать, самыми огорчительными были сообщения о том, что множество верующих остаются за стенами храмов, в которых возносится Ваше имя. Исполнен я душевной боли и о возникающих раздорах вокруг Вашего управления и других печальных явлениях. Может быть, эти сообщения пристрастны, может быть, я достаточно не знаком с характером и стремлениями лиц, пишущих мне. Но известия о духовном смятении идут из разных мест и, главным образом, от клириков и мирян, оказывающих на меня сильное давление.

На мой взгляд, ввиду чрезвычайных условий жизни Церкви, когда нормальные правила управления, подвергаются всяким колебаниям, необходимо поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое ваше замещение. Вот и благоволите вернуться к той, всеми уважаемой Вашей деятельности. Я, конечно, далек от мысли, что Вы решитесь вообще отказаться от исполнения возложенного на Вас послушания – это послужило бы не для блага Церкви. Повторяю, что очень скорблю, что Вы не писали мне и не посвятили в свои намерения. Раз поступают письма от других, то, несомненно, дошло бы и Ваше. Пишу Вам откровенно, как самому близкому мне архипастырю, которому многим обязан в прошлом и от святительской руки которого принял постриг и благодать священства...»

²² В сопроводительной записке к письму он писал: «Долго не получаю сведений. Достигли ли Ваших рук моих два заказных письма, отправленных по адресу: Сокольники, улица Короленко, д. 3/5? Что было по ним предпринято, собственно, по первому письму, так как второе написано с тем, чтобы остановить Ваше внимание на этом письме. Копию последнего на всякий случай посылаю с okazji и прошу поглубже укрепить убеждение, что мое решение – предложить Вам исправить ошибку и устранить все мероприятия. Ваши полномочия есть Богом благословенные и имеют обязательную силу. Патриарший Местоблюститель митрополит Петр».

²³ Объясняя, почему он не может согласиться с предложением ГПУ, митрополит Петр в заявлении Менжинскому 27 марта 1931 года писал: "Прежде всего я нарушил бы установленный порядок, по которому Местоблюститель остается на своем посту до созыва Поместного Собора. Собор, созванный без санкции Местоблюстителя, будет считаться неканоническим и постановления его недействительными... Далее, моя смена должна повлечь за собою и уход моего заместителя митрополита Сергия... К такому обстоятельству я не могу отнестись равнодушно. Наш одновременный уход не гарантирует церковную жизнь от возможных трений, и, конечно, вина ляжет на меня. Поэтому в данном случае необходимо наше совместное обсуждение, равно как и совместное разъяснение вопросов в связи с моим письмом митрополиту Сергию, датированным декабрём 1929 года. Наконец, мое распоряжение, вышедшее из тюрьмы, несомненно, вызовет разговоры, догадки, будет истолковано как вынужденное, с разными нежелательными выводами... Откровенно скажу, что лично о себе я не хлопочу: дней моей жизни осталось немного, да и, кажется, я уже потерял интерес к жизни, скитаясь в общем более восьми лет по

тюрьмам и ссылкам. Я только опасаюсь, что распоряжением и деланием набум могу нарушить свой долг и внести смуту в среду верующих".

²⁴ Оставлению его в тюрьме и новому приговору.